БЕССМЕРТНЫЙ ЦЕХ

книга воспоминаний

ПАО «Мотовилихинские заводы»

БЕССМЕРТНЫЙ ЦЕХ

Издательство «Пушка»
г. Пермь, 2017

Над книгой работали
Екатерина Соколовская, Светлана Мишланова, Александра Бахматова,
Наталия Заболотских, Виктор Кручинин, Ольга Воробьёва,
Евгений Ашихмин, Алексей Горев, Анна Лыкасова.

Отдельная благодарность
Николаю Александровичу Полушкину, Льву Соломоновичу Санкину,
Геннадию Северову за предоставленные материалы.

© Книжное издательство «Пушка». Оформление. 2017

Вступление

У Перми есть комплекс – комплекс тылового города. Говорят: что такое Пермь? Здесь не бомбили, не стреляли, здесь не было кровавых сражений с фашистами, город не освобождали с огромными потерями советские войска… Да, работали, конечно. Но жертвы тех, кто работал здесь, в тихом тылу, не были чрезмерными. Другое дело – города-герои, города воинской славы. Вот они – главные герои на празднике Победы!..

На самом деле для такого комплекса второстепенности у Перми нет оснований. Если бы не работа пермских заводов, неизвестно, как бы повернулись дела на фронтах. Да, Пермь была тыловым городом. Да, здесь действительно не бомбили, не стреляли, не убивали. Но от того, как тогда работали пермяки, напрямую зависела обстановка на фронте. В Перми делали пушки, снаряды, порох, патроны – всё, чем можно было бить врага. На пермских оборонных заводах в те годы работали все, от мала до велика. В Перми просто нет семьи, где во время войны кто-то не трудился бы на одном из заводов – из тех, что издавна существовали здесь и тех, что были эвакуированы тогда в наш город.

А «Мотовилиха» – это вообще особый случай. Наверное, нет в нашем районе, а особенно в Рабочем поселке семьи, где люди в войну не работали бы на заводе имени Молотова. А что до трудностей и страданий… Немногие, например, знают, что по распространенности «голодной болезни» – дистрофии – Пермь в войну стояла на втором месте в стране, сразу после блокадного Ленинграда…

Однако если о подвигах воевавших на фронтах мы много читали и слышали, то о тех, на чьих плечах, чьим непосильным трудом и лишениями здесь в тылу была вынесена Победа, мы знаем очень немногое. У нас до сих пор есть только неполная, обрывочная и поверхностная информация о жизни наших дедов и прадедов, бабушек и

дедушек, которые трудились здесь, в Перми в годы военного лихолетья.

Как они жили во время войны? Как работали? Надо с горечью признать: мы сами многого не успели узнать у наших близких. А они далеко не всё нам успели рассказать о своей тогдашней жизни. Почему? Конечно, мы сами во многом виноваты – не расспросили, не постарались разговорить, занятые своей жизнью, своими делами и заботами. Да и наши родственники были такими: сдержанными и немногословными. Чаще всего они не обращали внимания на себя – всё больше думали о нас, своих детях и внуках. «Все так тогда жили...», – так они говорили и переводили разговор на другие темы. Или в дни каких-то невзгод, к слову, замечали: «Сейчас ещё ничего – в войну было хуже...». И всё. Ни жалоб, ни упреков в чей-то адрес.

Скромность. Неприхотливость. Умение довольствоваться малым. Это тоже о наших близких, о тех, кому довелось трудиться в военные годы здесь, в тылу. Они никогда не требовали признания и благодарности. Не мечтали о наградах. Во все трудные времена они только заботились о своих стариках, спасали и берегли своих детей. И работали, работали, работали. Всю жизнь. И надо с горечью признаться: благодарности они, по большому счету, так ни от кого и не получили.

Пора, давно пора исправить эту несправедливость. 9 мая 2014 года было положено начало акции «Бессмертный цех». Десятки людей с портретами своих родных, трудившихся на «Мотовилихинских заводах» в годы войны, собрались у Музея пермской артиллерии и прошествовали торжественным строем до памятника Воину-освободителю в Рабочем поселке, где вот уже много лет проводится районный и заводской митинг. И знаменитый залп из настоящих артиллерийских орудий прозвучал не только в память о тех, кто воевал, но и в память о тех, кто трудился в тылу.

А в год 70-летия Великой Победы акция состоялась не только на заводе у музея. «Бессмертный цех» принял участие в главном городском параде. И плечом к плечу с «мотовилихинцами» шли с портретами своих тыловиков сотрудники Пермского моторного завода, научно-производственного объединения «Искра» и ОАО «Стар», а также десятки пермяков, чьи родные трудились в годы войны на заводах и предприятиях Перми. Общая численность «Бессмертного цеха» составила более 2000 человек. А сколько этих людей на самом деле? Имена скольких затерялись в истории?.. Скольким людям наше поколение должно высказать благодарность за то, что мы живём?..

Недавно на сайте «Мотовилихинских заводов» создан электронный мемориал с фотографиями и данными биографий тружеников тыла. Конечно, мемориал неполный – он будет пополняться и пополняется сейчас. В результате каждый человек, чей родственник трудился в 1941-1945 годах на «Мотовилихе», сможет познакомиться

с документами личного дела своего предка. С этими данными будут работать учёные-историки, чтобы узнать новые, пока неизвестные факты о военной истории нашего предприятия. Каждый пермяк может передать в музей на хранение документы, которые относятся к жизни его деда или прадеда, бабушки или прабабушки – письма, дневники, воспоминания, какие-то реликвии. В музее уже есть такие предметы, принесенные сюда родственниками работников «Бессмертного цеха». В идеале, когда мемориал «Бессмертный цех» будет готов, на специальной стене должны появиться фамилии всех, кто работал на нашем заводе в годы Великой Отечественной войны.

У кого-то может возникнуть мысль, что уже поздно. Ведь ушли почти все жившие тогда люди. Кому это теперь надо? Но здесь нет и не может быть срока давности. «Бессмертный цех» должен быть создан и должен жить вечно. В этом – наш прямой долг. Кто, как не мы, обязан сказать, как мы благодарны нашим дедам и прадедам за всё, что они для нас сделали – сказать об этом не только мысленно, а и вслух тем из них, кто ещё жив. Если этого не сделаем мы, не сделает никто – говорить будет некому, потому что уйдут последние из этого поколения.

Мы должны успеть расспросить у тех, кто помнит, как можно больше о том, как это было. Как они работали, что ели, как одевались, о чём думали. Нам надо успеть сохранить самую мелкую крупицу их драгоценной памяти. Если не сделать этого сейчас, то действительно будет уже поздно. Самым молодым из тех, кто жив сейчас, под девяносто. И их очень мало. Когда была война, они были подростками 14-ти – 15-ти лет. Их воспоминания пронзительны. Читая их, нельзя сдержать слёз…

При этом надо сказать: эти воспоминания очень разные и часто отличаются друг от друга. Многие ветераны до сих пор так и не могут преодолеть свою сдержанность – говорят так, как их учили, боятся сказать «лишнее». Другие – более открыты, они понимают, что теперь, на склоне лет, им уже совсем нечего бояться. Вот и получается, что одни рассказывают о том, что в столовой рабочие получали мясо и котлеты, а другие – о том, как рабочие жарили и ели возле печей пойманных тут же крыс. Кому из них верить? Наверное, и тем, и другим. Человеческая память причудлива и часто избирательна. На огромном заводе судьбы людей складывались по-разному – многое зависело от человеческого фактора, от профессионализма и доброты отдельных мастеров и начальников цехов. Но, прочитав даже эти уже собранные воспоминания, можно составить верное впечатление о том, как всё тогда было.

Эти воспоминания драгоценны еще по одной причине. Они по-своему восполняют очень неполную и недостаточную информацию, которая есть о тех временах. Сколько человек работало в годы войны на заводе имени Молотова? Даже это точно неизвестно. Некоторые историки называют цифру 30 тысяч. Но проверить и уточнить

это невозможно. Сколько работало на заводе подростков? Действительно ли 15 тысяч, как говорят? И эта цифра не поддается проверке. Вообще до нашего времени остается много неизвестных цифр и фактов, которые могли бы пролить свет на тайны этой войны. Ведь до сих пор даже не похоронены еще все павшие – и в наши дни поисковые отряды находят останки убитых в боях.

Тем более, много неизвестного в том, что касается жизни нашего тылового города и завода. Можно только с уверенностью сказать: на «Мотовилихе», кроме женщин, тогда работали три категории людей: подростки, люди, имевшие бронь (то есть те, кого не отпустили на фронт, потому что без них завод не мог обойтись) и заключённые. Меньше всего известно о заключённых, вернее, о них неизвестно ничего – ни сколько их было, ни как они работали и умирали. О тех, кто получал бронь, можно сказать только, что у всех них на всю жизнь остался комплекс вины, что они не были на фронте. Только мы, потомки, можем сейчас понять, как они в этом были неправы…

Только в последнее время нашлись некоторые факты о жизни заводских подростков и о том, как они оказывались на заводе. Помимо воспоминаний, в сборник вошли материалы, в которых собраны факты, о которых, возможно, знают немногие. Например, о «фабзайцах» – подростках, мобилизованных во время войны на производство. Многие из них приходили на завод по собственной инициативе, в основном, потому, что в доме не было денег, не было еды. Но многие подростки приходили на завод по повестке о мобилизации.

Дело в том, что Совету народных комиссаров СССР разрешалось в период военного времени призывать (мобилизовывать) в школы фабрично-заводского обучения городскую и сельскую молодежь – мальчиков 14–17 лет, девочек 16–18 лет. После обучения в ФЗУ (фабрично-заводском училище) – в войну оно было сокращённым до нескольких месяцев – дети приходили на завод и становились фрезеровщиками, токарями, рабочими других профессий.

В очень многих случаях возраст подростков был меньше, чем было официально разрешено. В личных делах многих выпускников ФЗУ № 3 военных лет есть такие повестки о мобилизации. Эти повестки были очень похожи на повестки о призыве в армию.

Особенно тяжело было сельским ребятам, которых отрывали от дома, от привычного быта и помещали в совершенно незнакомую среду. «Фабзайцы» жили в общежитии, работали по 6–12 часов, без выходных и отпусков. Видимо, им было указано не распространяться о том, что они пришли на завод по мобилизации – во всяком случае, ветераны, живущие сейчас, очень мало рассказывают о своих сверстниках, призванных в войну к станку. Возможно, карточки, которые им полагались, на руки им не выдавали, их получали воспитатели и готовили на всех подростков еду. Как пишет в воспоминаниях одна из дет-

домовок тех лет, «карточками могли наградить, могли и наказать». Можно только предполагать, как там обстояли дела с едой.

Часто с непривычки, из-за голода и тяжелого труда «фабзайцы» убегали домой, но их возвращали и наказывали. Сохранились документы, подтверждающие, что за повторный побег дело беглеца могло быть передано в НКВД, то есть, подросток мог получить реальный тюремный срок.

Как рассказывала Вера Макаровна Балкова, которая во время войны была заместителем первого секретаря Пермского обкома (кстати, единственная в стране женщина на таком посту), руководившая мощнейшей пермской оборонкой, в 1943 году был период, когда такие побеги стали массовыми, в среде подростков даже начались забастовки. Разбираться с этим Балкова приехала на завод имени Молотова. Когда она увидела этих усталых и голодных детей, на её глаза навернулись слезы, и она поняла, что не наказывать их надо, а подбодрить. Так и возникла идея организовать для заводских подростков новогоднюю ёлку. Приказ о её проведении подписал директор завода Быховский. На ветках ёлки сверкали игрушки, в зале звучала музыка, танцевали Дед Мороз и Снегурочка. А токари, сверлильщики и слесари веселились как самые обычные дети. В качестве подарка каждому был вручён редкий, небывалый по тем временам подарок – кулёк с леденцами.

Вошел в сборник и рассказ дочери конструктора Виктора Акимовича Ильина об её отце. Виктор Ильин – это тот самый легендарный человек, который создал пушку, сумевшую разгромить фашистские «Тигры» – танки, считавшиеся неуязвимыми. Это тоже во многом определило исход войны. Надо сказать, что именно благодаря дочери конструктора была исправлена чуть было не возникшая путаница: в одном из материалов заводской газеты Виктору Ильину были приписаны факты из трагической биографии совсем другого мотовилихинского конструктора.

Почитайте воспоминания стариков. Посмотрите фотографии. Может быть, после этого вы по-новому воспримете историю своей семьи, а, возможно, и сами надумаете увековечить их память – запишете истории о военных годах, рассказанные ими когда-то и еще не забытые в семье, принесёте их в заводской музей вместе с сохранившимися вещами и документами. Для этого и создана акция «Бессмертный цех».

«Никто не забыт. Ничто не забыто». Хорошие и правильные слова, хоть уже и чуть затёртые. Чтобы они были живыми и действенными, надо потрудиться нам всем – не только историкам и журналистам, но и близким тех, кто в войну вытащил нашу страну из страшной пропасти. Тогда «Бессмертный цех» действительно обретёт настоящее бессмертие. Сборник, который вы держите в руках, только первая и малая крупица того, что необходимо сделать.

Ида Владимировна Бойкова

Род. 1929 г.

Записала Екатерина Соколовская

Пришла на завод в 14 лет, в 1944 году.

...Когда началась война, я была в пионерском лагере. Брату было девятнадцать лет, сестре – тринадцать. Мне было двенадцать лет. Жили мы в Запруде, в деревянном доме. В школе, когда началась война, ходили в мастерские, шили патронташи, ещё ходили в госпиталь.

Самые тяжёлые воспоминания – о домашнем быте. Хозяйство держалось только на мне. Отец ушёл на фронт. Брат, сестра и мать работали на заводе. После школы я сразу шла на ключ за водой. Потом брала карточки и шла за хлебом. По дороге не удерживалась и съедала корочку – за это меня ругали. Самое тяжёлое было – топить печь. Прежде, чем её затопить, надо было

заготовить дров. На дрова шли домашние постройки – конюшня, сарай. Я сама отпиливала части построек, распиливала на части, клала в печку. Потом варила еду – в большом чугуне.

...Смотрю, мама начала опухать. У неё началась дистрофия. У подруги от дистрофии недавно умерла мать, я уже знала, к чему дело идёт. И решила пойти на завод.

Определили меня контролёром в ремонтно-механический цех. А мама работала сверловщицей в соседнем цехе. Когда выкраивалась минута, я шла в цех к маме – ей помочь, потому что мама с трудом ходила. Однажды я сверлила деталь на мамином станке. Что-то пошло не так, деталь вырвалась, искры полетели. Смотрю – мастер бежит. Я тоже дала дёру. Так и убежала...

Ещё нас, малолеток, часто отправляли с работы в поле, убирать картошку, убирать дороги. Это, конечно, было легче, чем за станком стоять. Работали все трудно. Приду к сестре – она плачет. «Не могу, – говорит, – на этот станок смотреть!» У неё всё лицо было в метках от стружки, которая от деталей летела. Она токарем была.

Мой будущий муж, Борис Михайлович Бойков, тоже в это время хлебнул беды. У него отец был машинист. И в эвакуацию они ехали на том же поезде, на котором отец вёз из Ленинграда какое-то оборудование. Когда собирались в эвакуацию, им сказали, что они вернутся через два месяца. Муж потом рассказывал, что это было счастье, что они уехали. Им после войны рассказали, что немцы их семью искали – отец у мужа был депутатом. А его учителя они повесили.

Добирались до Перми четыре месяца. Однажды их поезд остановился в картофельном поле. Все люди вышли и стали собирать картошку – как бы они удержались, из блокады ведь ехали. А тут бомбёжка! Муж рассказывал, как он побежал на поезд, а картошку бросить сил нет. Пока бежал, она у него рассыпалась. Так он, когда бомбёжка закончилась, снова вылез из вагона и пошел её опять собирать.

Валентина Николаевна Силуянова

Род. 1928 г.

Записала Екатерина Соколовская

Я пришла на завод в 14 лет. Мой заводской стаж – с 1942 года. Меня определили в химическую лабораторию. Моя работа состояла в том, чтобы производить химические анализы во время плавки. Работала в цехе № 21 («новый мартен»).

Мой отец, Николай Петрович Быков, работал в том же цехе сталеваром, он хотел, чтобы я училась, не пускал на завод. Но жить было очень трудно, к тому же на завод устроилась моя подружка. И я тоже решила бросить учебу и пойти работать. Образование моё было – шесть классов. Папа помог устроиться.

Смена длилась двенадцать часов, как и у взрослых. Лаборатория обслуживала шесть печей, поэтому работа была напряжённой: иногда шли две плавки сразу. Тогда не только торопились

с анализами, но и бегом бегали. Как начинается плавка, в лабораторию несут металл на анализы, от анализов зависит, правильно ли идёт плавка, или надо что-то добавить или убавить. Не отойдёшь. Самые ответственные анализы были, когда шли опытные плавки. Моя задача была – проверять количество в плавке никеля, хрома, фосфора, молибдена.

Когда пришла в лабораторию, вообще ничего не умела. Месяц меня учили, я была учеником лаборанта. Это был февраль 1943 года. А после этого начала работать сама. Наверное, была очень способной – проработала в лаборатории 28 лет. Потом решила уйти на «горячий стаж», чтобы была выше пенсия – так отпускали со скандалом.

Обедать приходилось, когда было время. А отец от своей печи вообще всю смену не отходил. Он обедать просто не успевал. Поэтому я кипятила ему чай в колбе, приносила что-то из столовой и несла к печи, где всё время был отец. У отца было соревнование со снайпером, который воевал на фронте, звали снайпера Василий Костогрыз. Соревнование заключалось в том, что Костогрыз считал убитых им фашистов, а отец считал свои плавки – у кого результат будет больше. Отец очень увлёкся соревнованием, у него был азарт, поэтому он ни минуты не отдыхал. Потом Костогрыз погиб, их соревнование прекратилось. Но отец привык уже работать в таком бешеном темпе, и привычки его не изменились.

...Воспоминание о всеобщем голоде такое. Рабочие ловили в цехах крыс и хомяков и жарили их возле печи. А потом ели. Сталеварам это было противно, они этих людей прогоняли. Но люди снова приходили. Кроме крыс, жарили возле печей картошку, у кого была.

Помню, что один раз во время войны наградили часами. Победу запомнила очень хорошо. Когда о Победе объявили, я как раз была на работе. Что чувствовала, как себя люди вели, как плакали, прыгали, смеялись и обнимались – не передать. Всем рабочим выдали по 100 граммов спирта. После смены пошли на ключик, развели спирт, и взрослые выпили. И все пошли на стадион. Никто идти домой не хотел.

Николай Петрович Быков

1906–1997 гг.

Статья «По одной цели» из газеты «Вечерняя Пермь» от 16 декабря 1974 года (номер к 30-летию Победы)

По улице в Мотовилихе медленно шагает коренастый человек. Он стар, но шаг его крепок, лицо энергично. То и дело он приветливо здоровается с идущими навстречу людьми. Вот на мгновение остановился, и его зоркий взгляд выхватил из группы вышедших из трамвая пассажиров высокого пожилого человека. А через минуту уже расспрашивал его с доброй улыбкой:

– Ну, Семёныч, как там в нашем новомартеновском? Какую сейчас варите сталь? Надеюсь, у печей по-прежнему надёжные ребята?

– Все хорошо, Николай Петрович. А о вашей работе, о труде дорогих сталеваров-ветеранов, особенно в дни войны, часто рассказывают цеховой молодёжи. Хороший для них заряд бодрости.

Получив краткую информацию о делах мартеновцев, Николай Петрович Быков поблагодарил товарища и зашагал дальше.

...Пронеслись в памяти многие картины военной поры. Каждый раз они волнуют. Почти сорок лет проработал на заводе. Уже давно на пенсии, а вот то, военное, время, трудовые вахты у печи, как на линии огня, ежедневная, ежечасная борьба за металл для пушек, снарядов, для брони к тысячам боевых машин, не забывается.

Как сейчас, помнит свой разговор в парткоме летом 1942 года. Он, Быков, высказал тогда горячее желание соревноваться с кем-нибудь из воинов Северо-Западного фронта. В такое соревнование вступали многие труженики Западного Урала.

– Никто из нас и без этого не жалеет сил для помощи фронту, – пояснил он свою мысль, – но личное соревнование повысит нашу взаимную ответственность.

– Дело доброе, очень, очень важное, – сказал секретарь парткома. – Только запомни, Петрович: твоя работа будет на виду не только у своего коллектива, но и на виду у всех воинов фронта.

Вызов сталевара принял известный на Северо-Западном фронте снайпер Василий Костогрыз.

«Рад соревноваться с тобой, дорогой далекий друг, – писал он знатному сталеплавильщику Пермского завода имени Ленина. – И условия твои принимаю: усиливать удары по врагу. Я уже уничтожил 50 фашистов. Буду с каждым днём увеличивать этот счёт. Ну, а ты, Николай Петрович, вари для боевых изделий побольше отличной стали. Постараемся, чтобы ни один килограмм её не пропал даром».

И Быков трудился так, как требовали интересы фронта. С первых дней войны он стал искать пути увеличения выпуска металла, экономил время на завалке печи, на других подготовительных операциях, вёл весь процесс плавления по скоростному режиму. Ему удалось сократить продолжительность плавок на час-час двадцать минут, а затем и на два часа. Прослушав очередную сводку Совинформбюро о положении на фронтах, он, как и другие его товарищи по цеху и заво-

ду, добровольно удлинял свою рабочую смену. Новые и новые тонны сверхпланового металла шли на выпуск дополнительных орудий, снарядов и другой боевой техники.

Однажды ночью, когда он готовился к очередной плавке, в цехе появился нарком вооружения Дмитрий Фёдорович Устинов (он приезжал на завод часто). Поинтересовался внимательно работой Быкова, спросил, для какого изделия пойдёт металл, за сколько рассчитывает выпустить плавку. Николай Петрович ответил, что думает сократить её продолжительность не менее чем на полтора часа. Тогда народный комиссар заметил: «Надо, чтобы утром сталь пошла в дело. Мы очень надеемся на вас, Николай Петрович». И Быков оправдал доверие наркома.

А в это время весь орудийный расчёт, где служил Костогрыз (им командовал сержант В. Яковлев), решил поддержать своего товарища и включился в соревнование с тружениками тыла. Артиллеристы обязались превратить своё орудие в снайперское. И с честью держали данное слово.

«Рад, Василий, за твои боевые успехи, – писал в очередном письме фронтовому товарищу Николай Петрович. – Заодно поздравляю тебя с очередной наградой – боевой медалью. Согласен с тобой – права на спокойную жизнь пока не имеем. Мы не должны давать врагу передышки ни на одну минуту. Бьём-то по одной цели. Моя бригада даёт по-прежнему сверхплановый металл. Недавно у нас пущена новая мартеновская печь № 6. Сейчас металла будет ещё больше».

Соревнование сталевара со снайпером давало всё новые плоды. Росло число фашистов, уничтоженных Василием Костогрызом. Увеличивал, в свою очередь, выпуск металла Быков. Костогрыз информировал своего уральского собрата, как обучает снайперскому делу молодых бойцов. Нелёгкому сталеплавильному делу обучал молодёжь и Быков. Из очередного письма Костогрыза Николай Петрович узнал: в жизни воина произошло важное событие – его приняли в члены партии. Такой же радостью поделился скоро и сталевар.

Как-то осенью 1944 года Быков и его товарищ по соревнованию в цехе сталевар Иван Соснин поинтересовались, сколько металла они выплавили с начала войны. Хотелось сообщить

Василию на фронт что-то хорошее, радостное. И количество это оказалось весьма и весьма внушительным. Только из сверхплановой стали, выплавленной за это время, можно было сделать 230 средних танков или сотни других боевых машин. И Быков писал Костогрызу:

«Скоро наконец наступит тот день, когда мы встретимся с тобой, вспомним обо всём, чем жили эти годы и что сделали для приближения светлого дня победы. Буду ждать тебя как самого дорогого гостя».

Эта встреча, к сожалению, не состоялась. Незадолго до окончания войны погиб смертью храбрых Василий Костогрыз. Потрясённый этой вестью, Николай Петрович поклялся мстить врагу новыми сверхплановыми тоннами смертоносного металла. Он словно продолжал чувствовать локоть своего боевого друга. И фронтовые задания, как и раньше, выполнял по-гвардейски.

...Идут годы. Почти треть века миновало со времени суровых военных годин. И Николаю Петровичу, почётному металлургу, бывшему сталевару завода имени Ленина, сегодня уже почти семьдесят. Но боевое соревнование со снайпером фронта оставило в его жизни свой след. Это соревнование звало на ратные и трудовые подвиги, стало примером для новых поколений тружеников предприятия.

Мария Яковлевна Горячёва
1921–2005 гг.

Рассказывает дочь, Нина Яковлевна Горячёва, бывшая сотрудница складского хозяйства завода

Моя мама, Мария Яковлевна, всю войну трудилась зольщицей в кузнечном цехе нашего завода. Родом моя мама из Набережных Челнов. В Пермь приехала незадолго до Великой Отечественной войны, в 1939 году. Жила у своей дальней родственницы, с дочерью которой они сдружились на всю жизнь, были как родные сестры. Конечно, встал вопрос о том, что моей маме нужно устраиваться на работу. Долго искать место работы не пришлось: дом тётки, у которой жила моя мама, был расположен там, где берёт свое начало лестница, ведущая к Главной проходной завода имени Молотова, как тогда назывались «Мотовилихинские заводы». Сейчас от тех домов не осталось и следа, а в ту пору их стояло немало.

Работники отдела кадров, узнав, что у мамы только два класса образования, предложили работать зольщицей в кузнечном цехе. По технологии, как мне говорила мама, поковка должна остывать не быстро и равномерно, для чего требовалось присыпать её горячим шлаком. Этим-то и приходилось заниматься моей маме и её сослуживицам. Труд был тяжёлым, но мама этого не боялась: она была молоденькой девушкой. А потом грянула война. Тогда и вовсе стало тяжело – работали без выходных, домой приходили только ночевать.

Жили впроголодь. Помню, мама рассказывала, что на завод как-то пришла баржа с картофелем. При разгрузке женщинам удалось утаить по паре картофелин. И потом пекли эту картошку в цехе, в том самом горячем шлаке. И, хотя та картошка была мороженой, для той поры это было просто лакомством. Правда, одну из женщин застали в тот момент, когда она пекла картошку, и наказали…

Кстати, с картошкой был у мамы связан еще один памятный момент. Жила она на горе, откуда завод был виден как на ладони. Постоянное чувство голода заставляло жителей этих домов каждый клочок земли использовать под посадку картошки. Бывало, что посадкам этим не давали дорасти: кто-то тайком эту картошку воровал. Однажды поздним вечером мама моя вышла во двор снять с верёвки сушившееся бельё. И услышала шорох там, где росла картошка. Мама решила, что там, должно быть, опять какие-нибудь подростки воруют посаженную картошку – выкапывают её под покровом ночи. Мама позвала на помощь соседа с соседкой, взяла с собой собаку, что двор стерегла, и пошли они задерживать злоумышленников.

Только в картофельных посадках оказались не подростки, а взрослый мужчина, а в руках у него была не лопата, а фотоаппарат. Моя мама говорила, что до той поры не видывала такого фотоаппарата. По её описаниям он был похож на современный, каким сейчас пользуются. А в тот период фотолюбителей практически не было. А фотоаппараты мама могла увидеть только в фотоателье, куда приходила фотографироваться на документы. Там фотоаппараты были большими, в деревянных футлярах, на большой же деревянной треноге.

А жителей тех домов на горе милиция предупреждала, чтобы проявляли бдительность, задерживали тех, кто попытается вести фотосъёмку. В итоге незнакомца задержали и передали в милицию. А спустя какое-то время вызывают туда участников задержания. Надо сказать, что все они здорово перепугались: время-то такое было, что никто не знал, чем это всё может обернуться. Но оказалось, что пригласили маму и её соседей, чтобы объявить им благодарность, а участковый, которому они передали злоумышленника, получил повышение по службе.

Кстати, участникам задержания так и не сказали, был ли тот мужчина вражеским агентом, или сам по собственной инициативе решил собирать разведданные про оборонный завод.

...Зольщицей на заводе моя мама работала и после войны. Сколько бы она ещё занималась этим трудом, неизвестно, да только вскрылись у мамы проблемы со здоровьем, сделали ей операцию. После неё мама вернулась в цех с предписанием, что её должны перевести на лёгкий труд. Да только где в кузнечном цехе взяться лёгкому труду? Вот и направили маму в одну из заводских столовых – убирать со столов грязную посуду. Там её увидел Михаил Ротфельд, бывший директор заводского музея, который в войну и после войны трудился в кузнечном цехе производственным мастером. Он предложил маме перейти в его цех. Это сейчас цех работает на газу, а тогда в качестве топлива использовался мазут. Вот за подачу мазута моя мама и отвечала.

Работа эта могла позволить маме уйти на пенсию по льготному списку, но не хватило ей буквально нескольких месяцев: цех перевели с мазута на газ. Ушла моя мама на пенсию в 1992 году, имея за плечами 52 года производственного стажа.

Рюрик Михайлович Дерябин

Род. 1928 г.

Записала Екатерина Соколовская

Пришёл на завод в пятнадцатилетнем возрасте. Начинал с учеников токаря. Работал токарем, резьбошлифовщиком. После службы в армии окончил техникум и институт. Был бригадиром участка, мастером, технологом, заместителем начальника цеха и, наконец, начальником цеха. Трудовой стаж – 60 лет, с 1943 года по 2003 год.

...У меня отец был мастером заводского фабрично-заводского училища. И он посоветовал идти не в ФЗУ, а сразу на завод. Поступил я после окончания седьмого класса в цех № 51. Отец мне составил протекцию. Месяц работал учеником токаря. А потом – на участке протяжек. Это такой специальный инструмент, он шёл токарям и фрезеровщикам, которые делали снаряды и пушки. От качества работы инструментального цеха, от качества этого инструмента зависели чьи-то жизни. Неправильно нарезанный ствол пушки – это значит, что снаряд не попадёт в цель, а в это время будут погибать наши солдаты.

Комсомольско-молодёжная фронтовая бригада, фото из газеты «Звезда». Рюрик Дерябин первый слева

Делать протяжки непросто, но я очень старался. И скоро научился. «Мотовилиха» отличалась тем, что рабочие кадры готовились тут же, на заводе. Подготовка рабочих была в ведении отдела кадров. Там организовывались разные курсы – переподготовки, повышения квалификации. Готовили рабочих всех специальностей, необходимых на заводе.

К таким новичкам, как я, сразу определялся учитель, наставник. Меня выучил работать Пётр Лепихин, пожилой уже человек. Он был классным токарем, мастером. Видимо, я был сообразительным, потому что уже через полгода моя фотография красовалась на Доске почёта. Я старался чаще ходить мимо неё. Иду и поглядываю по сторонам: примечаю, кто заметил, что особый человек мимо идёт...

Сначала я работал на одном станке. Потом начал на двух, а потом и на трёх станках. Это было можно, потому что на первом станке операция продолжалась примерно полчаса. Пока на нём обрабатывалась одна деталь, я трудился ещё над двумя. Мне нравилось, что я такой проворный.

Время тогда было трудное, голодное. И не только военные годы, но и первые послевоенные были тяжёлыми. Особенно запомнился этим 1946 год. Дома мы продали за это время буквально всё. Помню, любимую отцовскую гармошку продали за буханку хлеба.

Смена продолжалась двенадцать часов, выходных всю войну не было. Отпусков, естественно, тоже. Когда я после войны вышел в первый раз в жизни в отпуск, то в первый день отпуска проснулся и думаю: как это так – на работу идти не надо! Так же не бывает!

На обед давалось двадцать минут. Пайка не хватало. Всё время хотелось есть. Суп с начала весны в столовой давали такой: листья свёклы, крапивы, несколько кусочков картошки и столовая ложка рыбьего жира. Всё. Этот суп назывался баланда. А на второе – ложка каши. От такой еды меня почти всегда мучила изжога. Других – тоже. Спасались от неё тем, что ели мел – его выдавали, чтобы размечать детали. Помогало.

Голод во время войны в Перми был серьёзный. У многих была дистрофия. И не только у эвакуированных из Ленинграда, но и у местных. В соседнем цехе работал технолог, фамилии его я не помню. Крупный такой дядька. Ему, конечно, пайка вообще не хватало, он совсем дошёл. Его решили подкормить и отправили на три месяца в деревню. Но он всё равно не восстановился и вскоре умер.

Что касается ленинградцев, то в Перми таких эвакуированных, вывезенных во время блокады, было много. Я после войны плавал на теплоходе до Ленинграда. И ленинградцы как-то узнали, что теплоход приплыл из Перми. На причале собралось очень много народа. Они среди нас искали знакомых и родственников. Многие спрашивали: кто на какой улице жил, где во время войны работал. Просто как родных нас встретили.

А ещё в цехе во время войны постоянно было холодно. Особенно, конечно, зимой. В цехах почти не топили. Мы грелись у печки – она была на соседнем участке – там она полагалась по технологии. Погреемся – и опять идём к холодному станку. А ещё курили. Все курили, и мы тоже. Взрослые помалкивали, ничего нам не говорили.

Однажды я пригрелся возле печки, забился в какую-то дырку и – уснул. Мастер меня нашёл, вытащил за шкирку на свет божий и говорит тихонько на ухо: «Рюрик, надо работать. Рюрик,

В доме отдыха в Новоильинске, 1947 г.

надо работать». А больше ничего не сказал. Я оклемался и пошёл к станку. И он этот случай мне никогда не напоминал.

А что касается дисциплины, то такой вопрос вообще на заводе не стоял. Случаев нарушения дисциплины на заводе не было. Ведь даже 30-минутное опоздание считалось прогулом, а за него давали семь лет лагерей. Так кто бы решился? То же и насчёт выполнения плана. Что было человеку за невыполнение плана, я даже не помню. Потому что это было нереально. Все старались план перевыполнить. Тем более что за перевыполнение плана давали «стахановский» паёк. То есть повышенный. Я план постепенно стал перевыполнять намного. И заработал «стахановский» паёк. На него хлеба давали не шестьсот граммов в день, как всем рабочим, а восемьсот. Это была серьёзная помощь семье. На иждивенца (у меня сестрёнка младшая была) давали 400 граммов хлеба.

Что касается случая, когда директор завода Абрам Быховский испугался, что мне поручили делать сложную деталь, то тут такое дело. Мне это поручили не потому, что я был лучший мастер, а потому, что все остальные взрослые было заняты, у всех были ответственные задания. А сталь, из которой эту деталь делали, была на вес золота – во-первых, очень дорогая по своей себестоимости, а во-вторых, её тогда только-только стали выпускать – она была экспериментальная, и выпускали таких деталей очень немного. Вот он и пошутил, что подвесит меня к крюку в потолке, если я деталь «запорю».

Ещё был случай уже в 1945 году (но война тогда ещё не закончилась). Быховский пришёл к нам в цех и опять остановился у моего станка. И ему показалось, что я как-то не так работаю, как все. «Что это ты делаешь с деталью?» – спросил. «А мне так удобнее. Так беру, так поворачиваю…» – говорю. И я объяснил ему, что было бы ещё ловчее, если бы тут-то и тут-то полочка над станком была. Он подозвал мастера и говорит: «Сделайте, как он говорит». И мне эту полочку сделали.

Конечно, мы были молодые, поэтому силы нерастраченные. Ведь так не было, что мы с завода приходили и сразу бухались спать. Надо было и дома помогать. Как весна приходила, мы шли за съедобными растениями – крапивой, кислицей, полевой редькой, свежими шишками. Знаете, какие вкусные молодые еловые и сосновые шишки! Они такие кисленькие, приятные. И в них много витаминов. За грибами ходили, за ягодами. Это было большое подспорье.

В 15 лет мне отец доверил ружьё. Мы ходили на охоту. Добывали дичь – вальдшнепов, рябчиков. Но, конечно, редко – когда силы оставались. Ходили на поля, иногда турнепс там стащишь, или морковку. Помоешь – и в рот. А что делать? Голод – не тётка. А танцы! Конечно, мы и на танцы бегали – в сад Свердлова. Там играл духовой оркестр. И на это силы откуда-то находились. Что же – молодость!..

Ещё нам положено было ходить на курсы молодого бойца! Сто десять часов – во всякое время года. И ведь это тоже после работы. Кто пропустит занятие – попадал за это на гауптвахту. Учили стрелять, бегать, ползать по-пластунски – весь Мотовилинский пруд зимой на брюхе исползали. На лыжах ходили.

А в 1946 году нас оправили в Новоильинск, на отдых. Это было осенью, когда пионеры учиться пошли. А нас туда привезли. Я об этом времени ничего почти не помню, только то, что мы всё время ели. Кормёжка была пять раз в день. И ещё мы могли прийти на кухню в любое время, и нам наливали и накладывали всё, что мы хотели. Это нас так после войны откармливали.

Муза Семёновна Дмитриева

Род. 1926 г.

Записала Екатерина Соколовская

…В детстве мечтала стать пианисткой, поступить в московскую консерваторию. До войны училась в музыкальной школе. Дома не было инструмента, я разучивала этюды и сонаты, сидя у обыкновенного стола и представляя, что передо мной – клавиатура. Но так мои мечты и не сбылись.

Когда началась война, я как раз закончила семилетку, получила свидетельство об окончании семи классов.

Я, когда училась в школе, состояла в детском активе при кинотеатре «Горн». Мы выступали перед сеансами. Когда началась война, вместе с ребятами из актива пошла в «Райпромкомбинат», там мы мыли керосином гайки и болты – помогали фронту. И продолжали выступать перед зрителями в кинотеатре. Нашему баянисту было восемь лет. Помню частушку, которую мы пели:

Гитлер-пёс из кожи лезет,
Хочет хлеба и мясца.
Но не хлебом, а железом
Мы накормим стервеца.

У нас был друг семьи – потом мы с ним встречались, он рассказывал, как он встретил войну. Ему было два года, он остался беспризорным: на его глазах сожгли хату вместе с бабушкой и дедом, матерью. Он жил по чужим людям в землянках в лесу. Жил он в собачьей конуре, давали ему один кусок хлеба. Собаке – щи, а ему – один кусок хлеба. Когда он рассказывал, я очень-очень плакала. Он долго не прожил, в тридцать лет он умер... Мы, дети войны, рано повзрослели. Мы не плакали, не клянчили ничего. Мы ждали победу, мы были уверены в этой победе.

А как мне исполнилось 16 лет, пошла на завод. О заводе я и не думала и до этого не имела представления о нём. Поступила работать в 35-й цех, металлургический. Было страшно: грохот, стук, бряк, холодина. Стала контролёром ОТК. Проверяла пружины. Это очень ответственная деталь орудия, поэтому контролёр был приставлен к каждому рабочему, который делал пружины. Надо было проверять деталь несколько раз в процессе её изготовления. Пружина была большой и толстой, а работа – опасной. Иногда металл был с браком, и пружины разрывало. Осколки летели во все стороны, могло попасть в голову, в живот. При мне однажды разорвало пружину, и осколки попали в рабочего (не моего напарника). Весь живот разворотило... Конечно, он умер...

Работали по двенадцать часов. Самое трудное для меня было – ночью не уснуть. По цеху ходила охрана, проверяла, не заснул ли кто. Если бы увидели, то отдали бы под суд. А это – верная тюрьма. Иногда так невмоготу бывало, хоть плачь. Не могу, глаза закрываются. А рабочему ведь работать надо! Однажды он говорит: ты поспи, а я покараулю. И я уснула. А он рядом стоял, следил, чтобы меня никто не увидел...

Продуктовые карточки мы сдавали в завод. На неё один раз в день можно было сходить в столовую пообедать. Суп был такой: вода, крапива, несколько крупинок, две столовых ложки

Детский актив при кинотеатре «Горн», 1941 г.

постного масла. Иногда на второе давали котлетку. Хлебные карточки мы тоже сдавали в завод. Хлеб распределял мастер. Мне попался мудрый мастер. Она давала один кусочек хлеба утром – на завтрак. Потом отрезала кусочек хлеба на обед, с ним я шла в столовую. А остальной хлеб, который полагался на этот день, она отдавала, когда я шла домой.

Наверно, так поступали не все мастера. Во всяком случае, многие люди очень сильно голодали. В столовой ешь, а сзади несколько человек стоят и смотрят. Как отставишь тарелку, люди кидаются, кому тарелка достанется, всё с неё подъедает, что там осталось. Возле столовой была помойка. И около неё всегда кто-то топтался. Собирали даже рыбьи головы и скелетики, когда на обед давали рыбу.

Мне полагалось на день 700 граммов хлеба. Сейчас кажется, что это не так уж и мало. Но наша пайка была очень маленькая. Хлеб тяжёлый, с лебедой – получался совсем небольшой кусочек. А мама получала на паёк 300 граммов хлеба. Когда она попала в больницу, я от своей пайки 700-граммовой рабочей 300 граммов продавала на рынке. На вырученные деньги покупала молоко, несла маме в больницу – кормить пациентов в больнице было нечем. Котлетки, которые давали на второе, я тоже маме относила.

Как-то раз в столовой дали желе. Я его разрезала бечёвкой на квадратики и пошла продавать на рынок, чтобы купить молока. Ребята набежали, схватили мое желе в руку – и дёру. А оно у них растаяло, стало течь между пальцев. Вот и не досталось желе никому – ни мне, ни им. А однажды я пришла домой, взяла хлеб, который мне мастер отдала, и не выдержала. Весь сама съела. Опомнилась и так заплакала, заревела, что соседи прибежали. Говорят: «Что случилось? Мама умерла?» А я: «Я весь хлеб съе-е-ела!». Они так и сели.

Мама умирала от дистрофии. Она и в больнице бы умерла, если бы я её не подкармливала. Но и мне хотелось выжить. Я ведь половину хлеба меняла на молоко. Слова из песни не выкинешь – я подделывала карточки. Бумага, на которой я записывала на работе данные, когда проверяла пружины, и бумага, на которой были напечатаны карточки, была одинаковая. Если

послюнить палец и потом приставить его к шрифту, то цифры оставались на пальце. Вот я так переделывала цифры на карточке. Получалось, что вместо одной котлетки мне доставалось две. Одну я съедала, а другую относила маме. Но так получалось только в первой половине месяца. А во второй половине месяца мне не то что двух – ни одной котлетки не полагалось. Но к этому времени маме стало лучше. А мне только того и надо было…

После работы мы ещё много чего делали. Зимой чистили трамвайные пути, разгружали вагоны. Садили деревья в сквере. Пилили дрова для госпиталя. Разгружали баржи с дровами. Кантарили овощи, которые на баржах привозили. Мыли полы в госпитале перед приёмом больших партий раненых. По осени ездили копать картошку и резать капусту. Выступали перед бойцами. Они нас принимали очень хорошо, и даже со слезами.

А ещё ведь надо было помогать по хозяйству. Однажды нам привезли дрова – помню, сырые берёзовые поленья. И я с вечера до утра таскала их в сарай. Так и не поспала, утром на работу пошла.

А ещё я не оставила работу в активе кинотеатра. Надо сказать, в войну у меня вкус очень сильно изменился. Однажды директор кинотеатра дала каждому члену нашего актива по двадцать штук моркови. Мама из этой моркови постряпала шаньги. Они были сладкие! А я так от сладкого отвыкла, что есть их не смогла!

А как-то раз мы с активом поехали выступать в воинскую часть. После концерта нас повели в столовую. Дали нам чай с настоящим сахаром и оладьи. А солдаты всё к нам подходили и ещё клали в чай сахар и на оладьи сахар сыпали. Мы, конечно, наелись очень сильно. А ночью нас привезли обратно в кинотеатр. И как нас начало всех рвать!..

Я тогда была смешная – ребёнок. Как-то мастер говорит: «Сходи к начальнику цеха, попроси чернил». Пришла, а начальник и говорит: «Чернил хочешь? Тогда пой, Рина Зелёная!» А я и запела. Спела песню, тогда начальник мне чернил дал. Летом, во время обеденного перерыва, рабочие часто брали меня на берег, чтобы я им пела. И пела.

Как и все, мы с мамой ходили по деревням, меняли вещи на продукты. Обменяли все одёжки, из которых я выросла. Нечего больше стало менять. Тогда я вырвала листы из альбома по рисованию и стала рисовать картинки. И эти картинки мы меняли. Ребята деревенские просят: «Хочу картинку»! Хозяева картинку возьмут, а нам стакан муки насыплют…

Однажды мы привезли из деревни немного картошки. И так мне варёной картошки захотелось! Я маму прошу: «Давай сварим картошки!» А она: «Я лучше из этой картошки оладьи напеку – больше получится». Так и не дала. Я ночью проснулась, взяла картошки и постряпала из неё котлет. А показать-то их маме нельзя, ругаться будет! Пошла на завод и котлеты с собой взяла. Так мама никогда и не узнала, как я тогда напроказничала.

Вообще проказничала я много. Однажды ушла на танцы без спросу. Мама не пускала, а я всё равно пошла. Надела пальто, которое мама сшила из одеяла. И пошла. А в другой раз изрисовала мелом стены в комнате, где пружины испытывали. Птиц нарисовала, рыб, животных каких-то. Мне самой понравилось. Начальник увидел, говорит: «Бери, Рина Зелёная, ведро, тряпку, иди, стены отмывай!». Что делать, пошла, отмыла.

А ещё был случай. Я вступила в комсомол. И однажды ночью нас, несколько девчонок, направили в какое-то здание. И велели там быть до утра, следить за порядком. Приезжали машины, привозили ящики. А потом к утру другие машины подъезжали, ящики увозили. Потом оказалось, что в этих ящиках были карточки. Нам это не сказали, чтобы мы не боялись. Если бы кто-то решил эти карточки захватить, нас бы, наверно, убили.

Когда закончилась война, Левитан объявил по радио. Во всех цехах радио работало. И вот Левитан говорит, а в цеху – тишина. И рыданья. А потом только, через время все закричали, заорали, стали обниматься, целоваться. Мы все пошли на улицу, напротив школы № 48, там пушки стояли. Салют был из этих пушек. Как они дали первый залп в честь Победы, все стекла в окрестных домах полетели. Потом мы все отправились к оперному театру. На улицах были музыка, шум, смех – а кому-то было горе, ведь многие дети и подростки остались сиротами. И им пришлось поднимать семью…

Галина Иосифовна Елькина

Род. 1928 г.

Записала Екатерина Соколовская

Я пришла на завод, когда мне было 15 лет. У нас в семье было пятеро детей, мама до войны не работала, папа был уже пожилой. Надо было семье помогать. Сначала я работала курьером, а потом выучилась на расчётчика.

Глупая была, многого не понимала. У меня подружка была, однажды мы с ней пошли в кино. Перед кинотеатром с парнем познакомились. Он на подружку билет купил, а на меня не купил. Так я подружке отомстила за это: в ведомость на зарплату её не записала, без получки оставила. Вот так. Конечно, мне за это попало.

Я в заводскую столовую ходила. Там хлеба не давали. Вместо супа давали жидкую жижу – её и хлебали. Конечно, голодно было. Но как-то жили. У меня мама не работала, так ей

иждивенскую карточку давали – 200 или 300 граммов хлеба. Но не помню, чтобы уж очень сильный, смертельный голод был. Своя картошка была – она выручала. Дома ведь такую же похлёбку ели – вода и картошка. Но она в русской печи варилась, так что, наверно, вкуснее казалась. Хотя вспоминаю случай, когда человек от голода у станка умер. Он хлеб, который по карточкам давали, не ел, а всё двоим детям отдавал. Вот и ослабел.

Ещё мы ездили в деревню – меняли вещи на муку.

Помню, что если дополнительно вечером работаешь, то давали талоны на дополнительное питание. Несколько раз капусту привозили с полей. Но её можно было покупать – за деньги. Самый роскошный деликатес в войну был – винегрет. Его делали в складчину на праздники. У кого-то дома собирались, миска винегрета – посреди стола, как самое главное блюдо.

Один раз мне в качестве награды дали бирку на отрез красивой плательной ткани. У меня всю войну одно платье было. Его и носила – и в пир, и в мир, и в добрые люди. Видимо, оно уж очень плохонькое стало. Меня мастер спрашивает: где у тебя материя, которую мы тебе дали? Почему до сих пор платье тебе из неё не сшили? А той материи уже и нет давно – в деревне на муку мать сменяла.

Ещё помню, меня нарисовали в стенгазете – как я с арифмометром сижу. И какие-то слова хорошие, что я хорошо работаю. Это тоже было такое поощрение.

Однажды мне дали путёвку в Дом отдыха – он был за Камой. Там еда была лучше. Отдыхали там без отрыва от производства. По вечерам там были танцы и игры. Но на танцы мы с подружками вообще-то часто ходили – в клуб Свердлова.

Когда наступил день Победы, мне было 17 лет. Было сумасшествие: все плакали, смеялись, обнимались, целовались. Мы пошли на улицу с двоюродной сестрой. Навстречу – трое раненых идут. И они нас поцеловали. Вот, помню почему-то это до сих пор. Это были мои первые поцелуи.

Ефимова Т.В.,
заведующая
яслями-садом № 77

История одной фотографии

По документам архива Музея пермской артиллерии
(музей истории «Мотовилихинских заводов»)

Война… Уже 7 месяцев войны. Конец 1941 года, самого тяжёлого для нашей Родины. Я ходила в детский сад № 77, мне было 5 лет.

Новый год. Для нас устроили утренник. Он хорошо запомнился мне: было много гостей. Сотрудники приложили все силы, чтобы детям было весело, забыли на время о тяготах войны.

Посмотрите на фотографию, как много знакомых лиц. Вот Елизавета Ивановна Колпакова, она была в тот год методистом, проработала в ОДУ до пенсии. Заведующая детским садом – Колыванова Мария Григорьевна, проработала всю войну и ушла на пенсию из ОДУ. Музыкальным работником была Тагирова Марзия Савельевна, воспитатель Зырянова Полина Петровна – они до пенсии проработали в ОДУ. Воспитатель – Еговцева Галина Степановна, ушла в годы войны на фронт, вернувшись, работала в детских садах, перед пенсией ушла на завод.

Мои воспитатели: Устинова Александра Михайловна, она в роли Деда Мороза, и Анна Фёдоровна Мельник, которая всю войну и до пенсии проработала в ОДУ. В центре фотографии – директор завода Быховский, несмотря на тяжёлое военное положение, когда люди работали

Елка в детском саду № 77.
5 января 1941 г.

и днём, и ночью без устали, приближая своим трудом Победу, он нашёл время прийти к нам на праздник, принести подарки от завода для нас, детей войны, лишённых счастливого мирного детства, вынесших на своих хрупких плечиках все тяготы того сурового времени. Детский сад стал для нас вторым, а порой и единственным домом. Находясь сутками, часто и по воскресеньям, в детском саду, мы скучали по своим близким, но наши воспитатели, няни, повара уделяли столько внимания, ласки, что я пронесла через всю жизнь любовь к своим наставникам, к их профессии, ставшей и моей.

Виктор Акимович Ильин

1907–1997 гг.

Истребитель «Тигров»

Записала Екатерина Соколовская со слов дочери, Руфины Викторовны Ильиной

В Мотовилихе есть маленький двухэтажный дом на несколько квартир. Найти его нелегко – он затерялся среди современных десятиэтажных громадин. Нет на этом доме мемориальной доски. Не водят к нему экскурсии. И если вам скажут, что человек, долгие годы обитавший в нём, внёс огромный вклад в Победу над гитлеровской Германией, вы, возможно, не сразу и поверите.

Человек, мало-мальски знакомый с историей войны, помнит, какой ужас вызвало появление на фронте немецких танков «Тигр». Их мощная броня поначалу была неуязвима для нашей артиллерии. Но появление на фронте самоходных артиллерийских установок СУ-152

Наложение на лафет 122-мм гаубицы обр. 1910–1930 гг. В белой кепке Виктор Ильин

быстро свело на нет превосходство гитлеровской военной техники. Мотовилихинские пушки своим огнём не просто пробивали броню «Тигров» – они срывали башни хвалёных немецких танков. С появлением СУ-152 из более чем 200 «Тигров», направленных немцами на Восточный фронт, к 1943 году осталось только 19 исправных. Остальные восстановлению не подлежали. Конструктором пушек, которые успешно уничтожали немецкие «Тигры», был Виктор Акимович Ильин. На счету Ильина 27 авторских свидетельств на изобретения. Виктор Ильин – лауреат Государственной премии СССР. Он награждён орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны, медалями. Всю свою жизнь, начиная с 1926 года, он мирно трудился на Мотовилихинском заводе. Его общий трудовой стаж составляет 64 года. Начинал свой трудовой путь чертёжником, со временем «дорос» до должности заместителя главного конструктора, был начальником ОКБ. Нет уже, к сожалению, в живых сослуживцев Виктора Акимовича. Никто не поведает о его творческих поисках, не расскажет, как шла работа над легендарной гаубицей, победившей «Тигра».

...Ильины – это настоящая мотовилихинская династия. Отец Виктора Акимовича, Аким Фёдорович, работал на заводе казначеем. Его дед был слесарем. Я сама цеховым врачом тут же, на Мотовилихинском заводе. Два факта биографии отца вызывают особое уважение и даже удивление. Во-первых, он окончил Мотовилихинский механический техникум по специальности «техник-механик», и это – его единственное специальное образование. Окончив техникум, стать автором такого количества изобретений, дослужиться до должности заместителя главного конструктора огромного завода, получить Государственную премию – это значит, что он действительно был очень талантливым, незаурядным инженером. Но это означает и то, что в Мотовилихинском механическом техникуме, видимо, давали по-настоящему хорошее образование. Второй факт связан с тем самым двухэтажным домом, где теперь живу я и где много лет жил сам Виктор Акимович. Дом строился так называемым хозяйственным способом. Это значит, что будущие хозяева квартир не только сами вкладывали средства в его строительство, но и многое делали своими руками: разгружали кирпич, штукатурили, белили... В этом, практически собственноручно построенно доме Виктор Акимович Ильин и умер – в 1997 году, в возрасте 90 лет...

Имя Виктора Ильина есть во всех военных энциклопедиях. Разработанные им пушки навсегда остались гордостью «Мотовилихи».

Зоя Поликарповна Ильиных

1929–2016 гг.

Записала Екатерина Соколовская

Пришла на завод в апреле 1944 года, тогда мне было 14 лет. Получается, что мой «военный» стаж на производстве – меньше года. Определили меня учеником фрезеровщика. Потом всю жизнь проработала на заводе.

На всю жизнь запомнила первый день работы. Дали мне деталь для обработки. Деталь такая тяжёлая, что я её удержать не смогла. Я была очень худая и немощная – из-за сильной дистрофии. Деталь упала. Я её подняла и не знаю, что с ней делать – удержать деталь на весу не могу. И пошла к маме – мама работала в том же цехе. Мама пришла, стала помогать. Мама деталь

держит, а я её обрабатываю. Так первое время и обходилась, пока не приноровилась. Но дело тут было даже не в сноровке. Просто мне стали давать рабочие талоны на питание. Сил стало больше, и я уже смогла обходиться без маминой помощи.

Ещё такие воспоминания о первом дне работы. Рядом загудел мостовой кран – я в первый раз услышала этот звук. Подумала, что это начали стрелять, и бросилась ничком на пол. Все вокруг смеялись…

Первая получка – пять рублей. Потом, правда, оказалось, что в бухгалтерии напутали – должны были дать больше. Но и этим пяти рублям я была рада: помню до сих пор, что купила на них пучок щавеля на рынке. Сварили из щавеля суп, и вся семья поела. Это считался сытный обед – с витаминами.

От голода спасались по-всякому. Например, мы с мамой после работы перекапывали чужие огороды. Уговор с хозяевами: десять ведер картошки хозяевам, одиннадцатое – себе. Дров не было – собирали в лесу хворост, им и топили.

Было тяжело работать ночью. Запомнились ночные обеды. Во время ночных смен обеды приходились на ночное время, и никто не удивлялся. Взрослые рабочие даже тогда боролись за свои права. Однажды пошли ночью обедать, и мне с подругами дали суп из воды и картофельных очисток. Больше ничего в супе не было. Это увидел мастер и повёл нас в профком – разбираться. Потом таких пустых супов подросткам больше не давали.

Семилетку закончила в 1947 году, в вечерней школе. Пошла учиться в фабрично-заводское училище. И потом всю жизнь проработала на заводе. Была токарем, фрезеровщиком…

Албирт Хасанович Калимулин

Род. 1930 г.

Записала Екатерина Соколовская

Стаж работы на «Мотовилихе» – 52 года.

Я пришёл на завод, когда мне ещё четырнадцати лет не было. Тринадцать лет только. Хотел идти сначала в фабрично-заводское училище. Но отец, он в то время ещё на фронт не ушёл, говорит: «Иди сразу на завод». Я пошёл в отдел кадров, и меня отправили в цех № 37, токарем.

Меня учил наставник Александр Можаев – он был из эвакуированных. В первый день показал мне как станок включается, как выключается. Я понял. Вот и стал работать. Работал, как все. Иногда по две смены работали. За станком был топчан. Одна смена кончится – на этот топчан ляжешь, поспишь немного – и снова за работу.

А летом мы умудрялись на речку бегать купаться. Скинем штаны – и в воду. Мастер бежит с вицей – и по мягкому месту... Из воды выгонит, и мы в цех бежим. На ходу штаны натягиваем. А за нами – мастер с вицей. Что же, ведь детство в нас играло – маленькие пацаны мы ещё были. На заводе в это время мои старшие сёстры работали – Роза и Сара. Они за мной приглядывали. Если что – помогали, подсказывали как могли.

Конечно, было голодно. Я в столовую не ходил. Ел то, что из дома носил – в основном, картошку. Карточками распоряжалась мама. А в столовую идти – это значило карточки тратить. Так что хлеб я ел только дома.

Однажды нам, несовершеннолетним, выдали ватные курточки и брюки. Ещё, помню, как-то лапти выдавали.

От большого голода свои огороды спасали. Приходилось кроме завода ещё и там работать.

Случай такой был: мы с ребятами решили убежать на фронт. Пошли на Пермь Вторую, хотели с каким-нибудь эшелоном уехать. Но нас погнали. Не пустили на фронт.

Анастасия Михайловна Мокрушева

Род. 1925 г.

Записала Екатерина Соколовская

Я жила в Запруде, ходила в школу № 50. Когда началась война, я закончила семь классов, собиралась идти учиться на швею. Но началась война. Папа работал браковщиком в прокатном цехе. Я его упрашивала, чтобы он за меня похлопотал, чтобы меня на завод приняли. Но он отказывался мне помогать.

Осенью 1941 года нас отправили в колхоз. Я там научилась вязать снопы, ещё много чего делали. На день давали пол-литра молока и каравай хлеба. И ещё по столовой ложке мёда. Мы с подружкой пол-ложки на двоих утром съедали с чаем, а остальное вечером делили.

А в 1942 году рабочих рук стало не хватать, и меня, наконец, приняли в отдел технического контроля. Это было в январе. До этого времени я всё ходила в отдел кадров, просилась на работу. Но меня не брали – я была очень маленького роста. Меня обучили, и я стала работать контролёром. Мне было тогда пятнадцать лет, почти шестнадцать.

На заводе всё оказалось так, как папа говорил: цех холодный, все матом ругаются. Я дефектоскопом проверяла снаряды. В первый день, когда меня привели на рабочее место в цех № 4, я испугалась. Это был старший контрольный мастер цеха, Вяткин Фёдор Егорович. «Ну пойдем, мила дочь!» – говорит. Пошли. По двум сторонам – станки, а в пролёте подвешенный снаряд на кране висит и движется на меня. Я спряталась за спину мастера от страха. Он говорит:

7 «А» класс Молотовской школы № 50. 9 ноября 1940 г. Анастасия пятая в третьем ряду

Семья Мокрушевых.
Анастасия на переднем плане в центре

«Не бойся, ведь тут тебе работать», и за руку меня ведёт, а я боюсь всё равно…

Первый день проработала. Мастер спрашивает: «Понравилось?» Я говорю: «Ничего». Он: «Вот и хорошо». Работали по двенадцать часов.

Однажды прихожу на смену. Лежит куча снарядов. Спрашиваю женщину, которая смену сдавала: «Это проверенные снаряды?». Она говорит: «Да, проверенные». Она ушла домой. А я смотрю: будто как волос тянется через весь снаряд. Мастер был Коля-москвич. Я ему: «Вроде на трещину похоже». Он посмотрел: «Да, – говорит, – это трещина. Молодец, что не пропустила. Пойдём в браковку». Там заполнили ведомость специальную, меня попросили расписаться. Я говорю: «Может, не надо? Женщине ведь попадёт! А Коля говорит: «А если снаряд до срока разорвётся, и наши солдаты погибнут?» Я когда домой пришла, тоже этот случай рассказала и заплакала. Мать говорит: «Ту женщину жалко, её теперь могут уволить. Но всё равно хорошо, что ты трещину не пропустила». После этого случая меня перевели из учениц на самостоятельную работу. На собрании хвалили и благодарность дали.

От холода мы страдали все. Работали в пальто, в шапках и некоторые даже в рукавицах, если работа позволяла. Ходили греться в соседний цех, там была горячая труба. Постоим возле трубы, сразу спать хочется. Хорошо, что стояли. Если лечь, сразу бы уснули. А домой приду – и не могу спать. Почти всю ночь ворочаюсь. А по утру – опять на смену. Ела я в столовой, брала с собой мамину иждивенческую карточку.

Осенью меня перевели в цех № 90, там делали мины. Я стала контролёром. Дневная смена там была четырнадцать часов, ночная – девять.

После смены домой плохо было ездить. Надо было ехать на электричке. Народу было много. Приходилось на подножке ехать, если в тамбуре – это было уже хорошо. В сам вагон даже не протиснешься. На моей остановке мы дёргали за стоп-кран. Поезд останавливался, и мы выпрыгивали. Но часто электричка очень опаздывала. Тогда приходилось идти пешком по Соликамскому тракту. Мы, запрудские, по несколько человек ходили, так нам не так страшно было. Идём, песни поём.

Один раз мой сменщик собрался ехать в деревню – продукты менять. Я дневную смену отработала, смена кончилась, а его нет. Потом оказалось, что он не прошёл санобработку, и его не пустили на поезд. Всем, кто на поезд садился, сначала надо было пройти санобработку. Что же, я осталась на ночную смену. А утром моя смена началась. Мама меня потеряла, пришла к проходной. Я вышла, ей рассказала, в чём дело. И обратно пошла. Стала подряд третью смену работать. А сменщика вечером всё нет. Не идёт. Если бы про его отсутствие начальство узнало, его бы посадили. Только мастер Питиримов знал, что я уже 4-ю смену собираюсь работать без продыху. Пришёл, говорит: «Иди домой. Я за тебя поработаю. И никому ничего не скажу». И я ушла домой. И моему сменщику за тот случай так ничего и не было. Я не помню только, что там у него случилось, что он всё на работу не шёл.

Ещё была история. Мастер Питиримов уехал в командировку. А в клубе шло хорошее кино. Мне Аня Барташева и говорит: «Пошли в кино! Мы перед сменой пропуска не сдадим, к сеансу с завода выйдем, потом вернёмся, никто и не заметит». Но мы всё-таки побоялись с завода уйти, поэтому я даже не помню, на какое кино мы собирались сбежать. После смены идём на проходную, а контролёр говорит: «Ваших пропусков нет, начальство забрало». Но тут мастер Питиримов на завод пришёл – из командировки вернулся. Думаю, он нас и спас от крупных неприятностей. Собрались: Питиримов, замначальника ОТК завода и начальник цеха. И давай нас

ругать. Говорят: «На фронте снарядов не хватает. А вы дезертирство устроили?! Знаете, что вам за это будет?!» Но потом нас всё-таки отпустили и пропуска отдали. Мы из проходной вышли. А уже к ночи дело было. На электричку-то опоздали. И пешком в темноте идти боязно. Начальство на машину село и поехало. Отъехала машина, а потом вернулась. «Садитесь, – говорят, – мы вас до Запруда довезём». И больше нам ничего за тот случай не было.

У нас работала девчонка из детдома. Она курила. Меня тоже хотела приучить. Но я не хотела. Она со мной хотела дружить. К нам домой ходила, мама ей, конечно, всегда супу, как мне, наливала. Мы в столовую ходили через совхозное капустное поле. Я это маме рассказала. Говорю: «Я могу кочан капусты сорвать и домой принести». Мама: «Не вздумай! Я его сразу выброшу! Нам чужого не надо». Однажды едем с этой девчонкой в электричке с работы, смотрю – а у неё кочан капусты. Она: «Пошли к тебе». Я говорю: «Мама из-за капусты ругаться будет». Она не поверила. Пришли к нам, она маме и говорит: «Я вам принесла капусты». Мама говорит: «Я ворованное не беру. Выброси или сама ешь». Она капусту унесла. Не знаю уж, куда её дела. Я про детдомовских больше ничего не помню. Знаю только, что их общежитие было в Запруде. Недалеко от нашего дома.

Ещё, помню, у нас в цехе некоторые работали под конвоем: те, кто был в плену, кто из эвакуированных районов был, ещё поволжские немцы. Но потом, к концу войны, конвой сняли. Я особенно подружилась с дядей Колей Бурцевым. Он был из Белоруссии. В их селе стояли немцы. Он долго ничего не знал про свою семью. А в конце войны пришло письмо от его дочери. Она писала, что мать (его жена) погибла, а дом разрушен. Дядя Коля так плакал, что я до сих пор помню, как он горевал. Им почему-то на паёк часто давали солёную рыбу, а больше ничего не давали. И я с ним делилась: он мне рыбу давал, а я ему печёную картошку. Он меня часто просил его станок настроить – плохо видел.

А война когда кончилась, мы с Балмошной шли по Соликамскому тракту с флажками. Флажки эти сами наделали – где-то материал красный достали, скорей-скорей плотник нарезал деревянные черенки. У клуба Свердлова встречались все – ревели, обнимались, целовались, танцевали, песни пели – то кто-то гармошку с собой взял. Радость такая была!

Вера Сергеевна Паутова

Род. 1930 г.

Записал Виктор Кручинин

Мама умерла, когда мне было четыре года. Отец ушёл на фронт. Так я попала в детский дом в деревню Юго-Осокино, ныне это село Калинино Кунгурского района.

В детдоме в военное время нас учили собирать-разбирать винтовку, стрелять, бросать гранаты, пользоваться противогазом. Потом, уже работая на заводе, я участвовала в соревнованиях по пулевой стрельбе – наградили меня Почётной грамотой заводского комитета ДОСААФ *(добровольного общества содействия армии, авиации и флоту – Прим. авт.)*. Умение метко стрелять у меня сохранилось ещё с детского дома. Было такое задание: в противогазе прибежать к раненому, достать ещё один для него и надеть. А я, видимо, растерялась, с себя сняла противогаз и ему отдала…

Многое для детдома делали сами воспитанники, хоть и ходили полуголые, полуголодные. Все лето работали в подсобном хозяйстве: помогали в коровнике, окучивали картошку, обрабатывали поля. Всегда думали, где бы что раздобыть поесть. Лета очень ждали, чтобы в поле, в лесу собирать ягоды, грибы, пистики – за ягодами ходили за семь километров.

Очень многого, что есть сейчас, не было. Вместо зубных щёток, например, использовали мать-и-мачеху. Вместо бумаги были газеты. Из газет тетрадку сделаешь – и пишешь там.

Писали на фронт письма-треугольники. В здании школы № 47 открыли лазарет, мы приходили к солдатам, под диктовку писали письма от них. Ещё мы шили кисеты. На каждом кисете мы розочку обязательно вышивали. Мне отвечал солдат, мальчик совсем, лет 19 ему было. Сидел в окопе, ждал боя, и написал мне: «Когда война закончится, приеду в детдом и заберу тебя».

Мы, детдомовские, готовили концерты для солдат, выступали не Белой горе. Так были полные залы!.. Я выступала с акробатическим этюдом.

Детдом я вспоминаю только хорошими словами. Хотя жили в очень стеснённых условиях – были все полуголодные, полуголые – жили мы дружно. Атмосфера была доброжелательная, меня, как младшую, никто не обижал.

Когда мне исполнилось 14 лет, бабушка приехала меня проведать, я стала просить забрать меня из детдома. Бабушка согласилась. Когда я вернулась в отчий дом, мой первый вопрос был: что я буду делать. Старшие ответили: пойдёшь работать.

Меня взяли учеником портнихи в отдел рабочего снабжения завода № 172, как в годы войны именовалась «Мотовилиха». Работать приходилось и в ночь. Проработала там больше года. Делала пуговки, другие шили одежду, бельё.

Потом мастерскую стали переводить в район вокзала Пермь II. И я стала проситься у бабушки на другую работу. В 1944 году бабушка привела в заводоуправление, где я стала курьером…

Как и многие, носила почту между цехами, таких курьеров, как я, было 5–6 человек на весь завод. У меня был красивый почерк, долгое время я работала в канцелярии заводоуправления,

писала адреса. Делала стенгазету, помню, мы заняли 2-е место в заводском конкурсе стенгазет. Параллельно я училась работе делопроизводителя, чтобы со временем им стать. Со временем меня взяли учеником машинистки, 12 лет проработала машинисткой, параллельно училась в школе рабочей молодежи. Потом уже я стала инженером-экономистом, предъявляла затраты военпредам. Стаж работы у меня на «Мотовилихе» – 42 года. Всю жизнь на заводе…

И размышляя,
Стою я, стою
И вспоминаю
Юность свою.
Со всеми делами
Выросла я,
Дочь я завода –
Жизнь здесь моя.

Так написала Вера Сергеевна в одном из своих стихотворений.

Александр Иванович Полушкин

1916–1977 гг.

Рассказывает сын, Николай Александрович Полушкин

Отец был 1916 года рождения. До войны работал лесником в Берёзовском районе. На фронт он не попал, потому что у него было плохое зрение. В мае 1942 года военкомат его направил работать на завод. А до этого времени по направлению военкомата он был на военных курсах.

Сначала был сдатчиком готовой продукции. Потом перешёл в кузнечный цех, стал кузнецом – ковал стволы к пушкам. В цехе был паровой молот. Отец работал в сильных очках. Он с детства привык к крестьянской трудной работе, поэтому и выдержал в войну на заводе. Папа рассказывал, что они работали подряд по нескольку суток. Спали прямо в цеху.

Конечно, недоедали. Хотя родители его жили в то время в деревне и могли ему помогать продуктами, мать приезжала редко. Поэтому, бывало, на весь день из еды была одна картошка, и этой единственной картошкой папа и обходился.

С ними работало много эвакуированных. Отец вспоминал, что у них в цехе работал 14-летний парнишка из Смоленска. Он умер в конце войны – надсадился, видимо, от тяжёлого труда. А ещё у них работала бригада таджиков – семнадцать человек. Им все удивлялись, как легко они переносили жару – в кузнечном цехе всегда ведь стоит страшная жара. Но после работы они выходили на улицу, а там холодно, зимой сильный мороз. К концу войны они тоже все до одного умерли – от простудных заболеваний.

Отец очень тепло вспоминал о директоре Быховском. Говорил, что тот спас ему жизнь. Когда под Ржевом погиб его брат, отец записался добровольцем на фронт. Прежде чем эти списки попадали в военкомат, их всегда просматривал Быховский. И он вычеркнул оттуда фамилию отца. Потом отец узнал, что все люди до одного, которые были в том списке, погибли во время форсирования Днепра. Он говорил, что если бы директор его тогда не вычеркнул, он тоже бы погиб…

Ещё папа рассказывал такой случай. Когда он работал сдатчиком готовой продукции, забегает к ним майор. В руке – пистолет. Кричит: «Немедленно отгрузите мне, что положено!» Отец: «Встаньте в очередь. Здесь все торопятся». Майор не слушает, пистолетом грозит. Военные, которые были в очереди, говорят: «Отгрузите ему, если он такой нервный». Отец так и сделал. А майор, когда уходил, дал ему бутылку спирта. «Так, – говорил отец, – все, кто работал со мной тогда, получили в тот раз свои «тыловые сто грамм».

До самой смерти в письменном столе у отца хранились часы. Корпус у часов был серебряный. Сделаны часы были в Германии. Этими часами завод наградил отца за хорошую работу в 1945 году в честь Победы над фашистской Германией. Он рассказывал, что когда-то часы принадлежали пленному немецкому офицеру. Теперь эти часы переданы для экспонирования в Музей пермской артиллерии, где оформлена мини-выставка о моем отце.

Соломон Владимирович Санкин

1909–1999 гг.

Из книги «Огни Мотовилихи: страницы документов истории завода» (1996 год)

В 1942 году я был назначен начальником цеха, который изготовлял мины. Кадровых рабочих не было. Работали подростки…

Конечно, 15-летние девчата жили в общежитии, в холодном помещении. Они убегали, мы их ловили, но работали они честно… Приходилось заниматься с ними не только как начальнику цеха, но быть им вроде отца. Когда, например, девчата выходили замуж, обязательно советовались: можно ли выходить за этого парня?..

Рабочий коллектив работал без выходных дней по двенадцать часов. Мы старались их кормить, давали дополнительный паёк… А когда появилась мужская часть рабочих, давали спирт. Рабочие работали очень хорошо… Все знали, куда идёт наша продукция.

Геннадий Павлович Северов

1918–1995 гг.

Из книги «Огни Мотовилихи: страницы документов истории завода» (1996 год), из материала «Вспоминая те годы» заводской газеты

В первые месяцы войны на заводе был создан отряд военного ополчения – командир Дубровин, комиссар Кувардин, начальник штаба Агафонов. Первичные организации Осоавиахима *(Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. – Прим. авт.)* действовали в каждом цехе. Они вели оборонно-массовую работу среди молодёжи, обязательной была сдача норм на значок ГТО – «Готов к труду и обороне». Бойцы-ополченцы в нерабочее время обучались военным специальностям. Из них готовили снайперов, пулемётчиков, мотоциклистов, водителей танков, они осваивали лётное дело. Учились в полевых условиях стрелять,

ходить в разведку, маскироваться, окапываться. Многочисленные похоронки, шедшие в семьи с фронта, не могли убить желания попасть в действующую армию…

В тылу, в заводских цехах, тоже были потери. В цехе № 81 работал Сергей Прокофьев. Больная жена его еле справлялась с четырьмя детьми, скверно было с питанием. За большое перевыполнение плана давали иногда дополнительное питание – пирожки из ржаной муки с кислой капустой. Мы их старались отдать Сергею для ребятишек.

Однажды пришел начальник цеха Дашков и угостил нас «Казбеком». Мы-то, как правило, курили самосад со смородиновым листом, а тут – «Казбек»! Мы курили одну папиросу на двоих, а Сергею дали целую. Он затянулся, но вдруг поник, выронил папиросу и сам стал падать. Мы его подхватили, но он потерял сознание и умер. У нас на руках. Его погубили голодные отёки.

Мастер ОТК *(отдела технического контроля. – Прим. авт.)* Григорий Федотов собрал кое-какие вещи и поехал в деревню поменять их на картошку. Наменял целый мешок. В поезд его не пустили. Устроился на тормозной площадке, привязав мешок и себя. Мороз был нещадный. В Перми, осматривая состав, железнодорожники нашли окоченевший труп Федотова и перемерзшую картошку…

…Соревнование фронта и тыла проходило с большой активностью. После приезда к нам фронтовиков в 1942 году на фронт отправилась пермская делегация, которая сопровождала 29 вагонов с ящиками, где было 39 400 посылок для бойцов и командиров. В них – табак, папиросы, конфеты, пряники, часы, баяны. Колхозники прислали бочки с мёдом, маслом, мясом, соленьями. Сбор подарков практически не прекращался. Отправляли на фронт валенки, полушубки, рукавицы, комплекты ватных брюк и курток…

Но не менее дороги были для бойцов письма, вложенные в посылки, кисеты, рукавицы. Особенно для тех, кто давно не имел известий из дому. «Здравствуй, дорогой друг, пишет вам из Перми девушка, которая хотела бы с вами познакомиться…» Такие письма иногда имели счастливое продолжение.

Делегация Пермской области на Северо-Западном фронте. Ноябрь 1942 г., район озера Селигер. Северов во втором ряду крайний слева

...К 25-й годовщине Октября решено было собрать на фронт подарки и отправить с ними делегацию. Меня включили в её состав. Мы везли семь вагонов подарков и четыре вагона с солью, которой не хватало на фронте. В дороге сами охраняли вагоны. В ночь с 5 на 6 ноября прибыли на станцию «Черный дар» в районе озера Селигер. Отсюда нас подтянули к тылу армии, где встретили оперативники и организовали разгрузку вагонов. Разгружали всю ночь, и к утру всё было закончено.

После небольшого отдыха состоялась наша встреча с командиром армии генералом Кризгловым, членом Военного совета генералом Гороховым, другими руководителями. Потом в землянке № 1 состоялось торжественное собрание в честь праздника. Не верилось, что рядом враг, что в любую минуту может начаться бой или налёт.

Выступил командующий армии, потом был концерт самодеятельности, товарищеский чай. А 8 ноября ездили в части фронта. Раздавали подарки, которые возить приходилось ночами. В общей сложности мы проделали не менее сотни километров пути, побывали и на передовой, и в тыловых частях. Мы присутствовали на совещаниях, на занятиях по обмену опытом у снайперов, артиллеристов. Нам показывали всё, что было можно: удар «Катюши», английские танки, которые наши бойцы прозвали «готовые гробы», т. к. они были лёгкой добычей для немцев.

Бойцы очень интересовались жизнью в тылу, расспрашивали обо всём, огорчались нашим трудностям, обещали бить нещадно врага.

В начале декабря мы вернулись домой. Привезли письма, карты, фотографии зверств и жестокости фашистов. Своими глазами мы видели разрушенные сёла, деревни, посёлки. Село Красота на берегу Селигера было, действительно, красиво. Но к нашему приезду от него остались несколько обгоревших труб и колодцев с отравленной водой. Уцелевшие люди рассказывали, как немцы жгли дома в селе вместе с жителями, не успевшими уйти.

Наши рассказы о поездке вызвали всеобщий интерес на заводе, они укрепляли уверенность в победе над врагом. Советские бойцы не щадили себя на полях сражений. Труженики тыла изо всех сил трудились для фронта. Ковалась народная Победа. И она пришла весной 1945-го.

Александр Михайлович Середкин

1924–1994 гг.

Рассказывает сестра, Тамара Михайловна Ильиных

В школьные годы Саша был шустрый и хорошо учился. Помню, на Новый год нужно было приготовить маскарадный костюм. Мама придумала ему костюм дворника (в те годы боролись за чистоту). Ему сделали из чёрной кудели бородку, надели шапку-ушанку, длинный фартук, дали метлу. Он бегал по залу и подметал пол. Даже учителя не могли его узнать: «Да кто же этот мальчик? Да это же Саша Середкин!»

В 1939 году он окончил школу-семилетку и поступил на Мотовилихинский завод в цех № 11 на сборку пушек. В 1942 году Саше исполнилось 18 лет. Получив повестку, он был отправлен в город Чебаркуль обучаться военному делу. Мама к нему ездила и вспоминала: была строевая подготовка, командир выкрикнул Сашину фамилию, чтобы он вышел к маме. И он, в длинной шинели, которая путалась у него в ногах, в больших ботинках с обмотками бегом бежал к маме.

Александр Середкин получил звание старшего сержанта, был направлен в артиллерийские части, где был командиром того орудия, которое он собирал на заводе. Немцы рвались к Сталинграду. На левом берегу реки Волга – город Волжский, на правом – Сталинград. Сашина пушка помогала громить врага. 2 февраля 1943 года Сталинградская битва завершилась нашей победой… Во время войны он был награждён орденом Отечественной войны I степени.

После демобилизации Саша снова вернулся на завод в свой родной цех № 11…

В орудийно-сборочном цехе, 1942 г.

Самуил Маркович Соколовский

1903–1982 гг.

Свет «Мотовилихи»

Автор – Екатерина Соколовская, дочь

Во время войны в СССР почти до нуля снизилось производство электрических лампочек. Исчезла деталь повседневного быта, успевшая стать привычной. Люди снова стали пользоваться керосиновыми лампами, а дома освещались коптилками. Имевшиеся лампочки постепенно перегорали, и если в быту к такому положению ещё можно было как-то приспособиться, то завод, оказавшись без освещения, начал испытывать трудности. Ведь электрический свет был необходимым условием его работы. «Мотовилиха» работала круглосуточно, освещение цехов было жизненно необходимо.

В декабре 1942 года на Мотовилихинском заводе была организована мастерская по регенерации осветительных электроламп. Эту мастерскую создал, а потом до конца войны ею руководил мой отец – Самуил Маркович Соколовский. Как говорится в характеристике, которая имеется в его личном деле, «...все работы по проектированию, организации производства и освоению технологии проводились под его руководством, за что в нескольких приказах по Министерству и заводу ему объявлялась благодарность. В системе Министерства *(видимо, имеется в виду Министерство обороны – Е.С.)* производство регенерации осветительных ламп было создано впервые».

Небольшое отступление необходимо. Дело в том, что мой отец для завода не был случайным человеком. Он поступил на Мотовилихинский завод в 1927 году, когда ему было немногим больше двадцати. Сначала был лаборантом в заводской электротехнической лаборатории. В 1929 году без отрыва от производства окончил индустриальный техникум и стал работать в конструкторском бюро УКСа *(Управление капитального строительства. – Прим. авт.)* Мотовилихи. В 1935 году завод командировал его на учёбу в Ленинградский электротехнический институт. В 1938 году он окончил институт с отличием и стал работать в отделе главного энергетика.

Когда мне было лет тринадцать, отец – он был человеком строгим и немногословным – велел мне сразу после школы прийти домой. Усадил за стол и сказал: «Ты должна знать, почему я не был на фронте. Я работал в “Мотовилихе”, в отделе главного энергетика. Мы исправляли лампочки». Потом он стал рассказывать, как именно лампочки снова превращались в новые, способные светить, как было непросто организовать это производство. Сейчас я понимаю, что должна была слушать внимательно, задавать вопросы, проявить интерес. Вина за то, что я пропустила его рассказ мимо ушей, будет мучить меня до конца жизни. В памяти осталось немногое. Во-первых, я тогда поняла: отец страдает, что не был на фронте. Во-вторых, создание производства по восстановлению ламп он считает главным делом жизни и очень гордится тем, что ему, в знак благодарности за создание этого производства, однажды пожал руку Дмитрий Устинов, Министр

обороны СССР. Ещё запомнила, как отец говорил, что часто во время войны ездил в командировки – передавал опыт регенерации ламп энергетикам других оборонных предприятий. Видимо, как и сказано в характеристике, подписанной директором завода Виктором Лебедевым в 50-е годы, этот странный процесс возрождения лампочек был запущен в «Мотовилихе» впервые в Советском Союзе. Имелись ли подобные аналоги в других странах, мне неизвестно.

Ещё в личном деле отца сохранилась «Выписка из приказа №33/к по заводу № 172 имени В.М. Молотова от 13 февраля 1943 года», подписанная директором завода Быховским о премировании работников за организацию мастерской электроламп. Там сказано: «За выполнение работ по организации и освоению восстановления электроламп объявляю благодарность работникам, организовавшим производство. Приказываю: главному энергетику тов. Школьникову и начальнику мастерской тов. Соколовскому работу мастерской организовать круглосуточно. Начальнику мастерской тов. Соколовскому освоить постоянный выпуск эл. ламп, доводя общий выпуск эл. ламп до 100 шт. в сутки. Срок 10 марта 1943 года». То есть, с момента запуска производства до момента, когда в сутки восстанавливали 100 лампочек, прошло меньше месяца.

В сборнике «В дни Отечественной войны», который был издан в 1945 году отделом технической пропаганды «Мотовилихи», есть статья отца – «Регенерация осветительных электроламп».

В ней он пишет: *«Острый недостаток в осветительных электролампах на нашем заводе поставил под угрозу срыва выполнение отдельными цехами заказов фронта, а также в значительной степени нарушил нормальную работу непрерывно действующих цехов. Недостаточное количество электроламп и отсутствие возможности их получения со стороны потребовало изыскания путей для ликвидации этой трудности военного времени. Наш завод запроектировал и осуществил установку по регенерации (восстановлению) осветительных электроламп, дающую возможность восстанавливать перегоревшие лампы всего диапазона мощностей и напряжений. Восстановленные электролампы использовались во всех цехах и производственных помещениях.*

Значительные трудности создания этой установки заключались в том, что не представлялось возможности получения необходимого оборудования и некоторых специальных материалов. Поэтому пришлось прибегнуть к демонтажу действующего оборудования и замене материалов. Такие материалы, как вольфрамовые спирали, штенгельное стекло получались с московского электролампового завода. Проект установки был выполнен силами конструкторского отдела главного энергетика в чрезвычайно короткий срок.

Принцип регенерации электроламп, применяемый в установке, заключался в замене сгоревшей вольфрамовой спирали на новую, откачке лампы и, в случае газополных ламп, наполнении их инертным газом. Технологическая последовательность основных операций следующая:

а) в отверстие в колбе вводится специальный инструмент и припаивается штенгель (стеклянная трубка) для откачки и наполнения;

б) при наличии загрязнения внутренней поверхности колбы она сушится и моется;

в) демонтируется старая спираль и монтируется новая. Устанавливаются на требуемое место электроды и держатели:

г) химическим методом повышается вакуум и лампы проходят испытание.

Регенерационная установка в основном состоит из вакуумного агрегата, вакуумного поста с аппаратом Мак-Леода и устройствами для обезгаживания и наполнения газополных ламп, газоочистительной установки, устройства для мойки и сушки ламп, стола для стеклодувных работ с бензиновыми тарелками и карбюраторами и столов для монтажа спиралей.

Вакуумный агрегат скомпонован из масляного ротационного насоса системы ГЭДЭ, работающего в форвакуумной части схемы, и одного ртутного диффузионно-конденсационного металлического насоса, работающего в файнвакуумной части схемы.

Процесс откачки разделяется на две стадии. Первая заключается в создании в лампе предварительного разряжения порядка 0,05 мм ртутного столба; вторая – в создании более глубокого вакуума порядка 0,005 мм. Удаление остаточных газов и дальнейшее улучшение вакуума

достигается для вакуумных ламп процессом аблица, для газополных – многократной промывкой азотом.

Пост откачки и наполнения представляет из себя устройство, дающее возможность откачивать и наполнять лампы.

…Необходимость в очистке азота продиктована тем, что азот, поступающий с кислородной станции завода, содержит большое количество примесей, резко сокращающих срок службы ламп при их попадании внутрь колбы…

В начале декабря 1942 года мастерская по регенерации осветительных ламп была частично смонтирована и были выпущены первые опытные образцы. Массовый их выпуск начался с января 1943 года. Производительность мастерской в итоге достигла в среднем 200 шт. в сутки».

После войны, когда заработали заводы, выпускающие лампочки и необходимость в регенерации электроламп отпала, мастерская была закрыта. Отец переключился на другую работу.

Каждый на заводе во время войны делал какое-то маленькое или большое дело – кто-то исправлял перегоревшие лампочки, кто-то мастерил брезентовую обувь, кто-то создавал и испытывал пушки. Сейчас понятно, что это всё и было военной «Мотовилихой» – единым организмом, единым орудием, приближавшим победу. Я горда тем, что в этом орудии была и частица труда моего отца.

Агриппина Турбина

Годы жизни неизвестны

Из книги «Огни Мотовилихи: страницы документов истории завода» (1996 год)

...В то время члены бригады выполняли срочный военный заказ, сутками порой не выходили из цеха. А завком комсомола выдвинул лозунг: каждому молодому рабочему военную специальность. Мы всей бригадой закончили курсы сандружинниц. Не раз просили послать нас на фронт, но следовал резонный ответ: а кто пушки выпускать станет?..

Дел же действительно хватало и здесь. Многие малыши оставались в годы войны сиротами. Завод выделил 67 тыс. рублей на создание детского дома, из подсобного хозяйства привезли двух коров, овощи, другие продукты. Но материнской ласки детишкам не хватало, и мы старались восполнить её...

Детей, впрочем, и на заводе хватало, в том числе и сирот. Неухоженные, худенькие мальчишки и девчонки вставали к станкам наравне со всеми, и мы, как могли, старались им помочь: то лишний талон на обед достанем, то валенки, то платьице...

В госпитале наша помощь требовалась всегда. Стирали бинты, штопали бельё, писали за раненых письма, читали им книги... От рассказов раненых еще энергичнее хотелось и трудиться, и помогать им, и быть в гуще жизни...

Отличницы группы сандружинниц

Николай Павлинович Тюрин

1926–2016 гг.

Записала Екатерина Соколовская

Сдал экзамены за 7-й класс – а через две недели началась война. К этому времени успел поступить в нефтяной техникум. Но одной из причин, почему не стал там учиться, стало то, что меня определили на другую специальность – не на ту, по которой поступал. Отец ушёл на фронт. Дома, кроме меня, остались брат и две сестры. Брат пошел в ФЗУ *(фабрично-заводское училище. – Прим. авт.)*, а потом стал работать на заводе. Старшая сестра поступила в учительский институт. А младшая ещё училась в школе.

Первый день работы на заводе – 12 сентября 1941 года. Мне было тогда 15 лет. Определили меня слесарем в цех № 10. В этом цехе обрабатывали откатные салазки к пушкам. В цехе работали только

пожилые рабочие, фактически старики. Подростков, кроме меня, не было – я один. Фамилия наставника, которого ко мне прикрепили, была Калашников. Но, по сути, никто меня не учил – взрослым было не до того. Сразу стал делать то, что делали другие – так и научился.

У меня в то время было увлечение – хорошо рисовал, мечтал стать художником. Почти сразу же мне поручили оформлять в цехе наглядную агитацию. Писал транспаранты, рисовал плакаты, оформлял стенгазеты.

Но, конечно, главным было – работа. Работал, как остальные, по 16 часов. Часто приходилось работать и по две смены. То есть с завода не уходили сутками. Бывает, заканчивается смена. В это время выходит начальник цеха и говорит: «Остаёмся на следующую смену». И все продолжают работу. Спали тут же, в цехе, там, где придётся, очень недолго.

Роба, когда я её снимал, стояла сама по себе, так она была пропитана маслом, которым обмазывали салазки. Мать пыталась её стирать, но получалось это плохо.

Труд в этом цехе был очень тяжёлым. Деталь весила 73 килограмма. Таскали её вручную – кран до места, где хранились заготовки, не доходил. И мне, 15-летнему мальчишке, приходилось эту деталь обрабатывать и, кроме того, всё время перетаскивать с места на место.

Отмечу, что о рабочих старались заботиться. За ударный труд людей часто награждали. Запомнилось, что наградой могли стать две 700-граммовых банки компота. Такое поощрение было почти каждый месяц. Один раз меня наградили отрезом на костюм. А в другой раз выдали материю на две рубашки. Я думал, что из этого материала мне и брату мать сошьёт по рубашке. Но она рассудила по-другому: сшила новое платье дочери, которая к тому времени закончила учительский институт и собиралась выйти на работу в школу.

Всем без исключения выдавали курево: махорку, табак, иногда сигареты или табачные листья. Я не курил, поэтому в цехе мне поручили получать всё это на всех, а потом распределять и выдавать. Свою пайку курева я кому-нибудь тоже отдавал – не менял. Не сообразил, что так можно делать…

Я скоро научился так хорошо работать, что выполнял норму на 500 процентов. Два раза за войну мой портрет висел на Доске почёта. А один раз мне пожал руку будущий Министр обороны Устинов.

Однажды мой портрет с Доски почёта пропал. Иду я мимо и вижу, что вместо моей фотографии на стенде – пустое место. Впоследствии оказалось, что фотографию сняла и унесла домой Тося Ноговицына, крановщица. Видимо, ей очень нравился.

По молодости сил хватало не только на работу. Делал шабашки: зажигалки, расчёски, мундштуки – всё это продавали на рынке. Огород тоже держался на мне и на брате. А ещё ходили на танцы – в Дом культуры имени Свердлова. Впоследствии он стал называться ДДК, детский дом культуры.

А один раз я по пути с работы пытался спасти утопающего. Увидел, как какая-то женщина на берегу убивается: её сын, не умея плавать, прыгнул в воду. Я, недолго думая, тоже нырнул. Однако человека спасти не удалось, а я жестоко простудился. Долго болел, лежал в больнице. Лечили акрихином, от которого я долго был жёлтого цвета.

...Отец погиб 13 мая 1945 года в Чехословакии. Ему было тогда 45 лет. Всю войну не получил ни одного серьёзного ранения, а погиб во время несчастного случая. На грузовике, на котором он ехал, открылся борт, отец выпал и разбился насмерть.

...В 1946 году меня выбрали нормировщиком. Вскоре я поступил в военно-морское училище в Перми (потом на его месте было образовано ВАТУ *(военное авиационно-техническое училище. – Прим. авт.)*. Прослужил на флоте десять лет. Служил на Балтике. Когда при Хрущёве сокращали армию, ушёл в отставку и вернулся в Мотовилиху. Работал сначала в Доме техники, а потом мастером на заводе, в цехе № 11.

Сергей Николаевич Фирулёв

1927–2002 гг.

Из книги «Огни Мотовилихи:
страницы документов истории завода» (1996 год),
по материалам книги Владимира Соколовского «Пал Иваныч с пушечного»
(прототипом главного героя стал Сергей Фирулёв)

Я пришел на завод 1 августа 1941 года, мне было 13 лет. Мы собирали пушки. Работали здорово... Мне пришлось работать на всех операциях: затворном, ствольном участках, окончательном.

В войну стояли очень сильные морозы. Когда идешь со второй смены домой (я шёл в Запруд), не чувствуешь под собой ног. Сам голодный – ничего не поделаешь.

...Как-то начальник Александр Ильич Спешилов попросил прийти. На полигон привезли партию пушек. Стали их проверять. Что такое? Не могут открыть затвор пушки, пушка была пяти- или

шестилафетная. Отправили меня устранить неисправность. Приехал туда, спустился на полигон. Меня спрашивают: ты – кто? Говорю: прислали из цеха. У военных – глаза на лоб. Я взял свинцовый молоточек, стук-стук молоточком, промаслил механизм, несколько раз проработал как следует и всё. И тут сразу снаряд заложили, пушка была готова. И в этот день я вернулся с полигона с буханкой хлеба и двумя банками тушёнки…

Совет ветеранов комсомола завода им. Ленина, 11 февраля 1985 г.
Сергей Николаевич Фирулёв в первом ряду крайний слева

Татьяна Фёдоровна Чудинова

Род. 1929 г.

Записала Екатерина Соколовская

Я всю жизнь проработала на Мотовилихинском заводе секретарём – в цехах № 25 и № 55. А в самом начале своего трудового пути училась в ФЗУ *(фабрично-заводском училище – Прим. авт.)*, потом это было ПТУ № 3. У меня две дочери, три внука, шесть правнуков. Мой отец, Фёдор Львович Замарев, тоже всю жизнь работал на заводе, в цехе № 29. И муж Иван Иванович тоже. Он работал на заводе во время войны, был токарем.

...Я поступила в заводское ФЗУ в 1942 году, когда окончила 6-й класс. Тогда мне шёл четырнадцатый год. Пошла в училище, потому что надо было помогать семье, себя кормить, а в ФЗУ кормили. Училась там два года и четыре месяца. После окончания училища пошла работать на завод. Но тогда война уже кончалась, так что, по сути, моя трудовая жизнь на заводе началась уже в мирное время. Вместе с учёбой в ФЗУ мой стаж на Мотовилихинском заводе составляет 30 лет и четыре месяца.

Училась я в группе № 52 на фрезерном отделении. Мастером у нас была Елена Николаевна Шумилова. У неё самой в то время уже было трое детей. Может быть, поэтому она относилась и к нам, как к своим детям. Поскольку шла война, на изучение теории времени не было. Сразу началась практика. Это значит, что с самого первого дня нас поставили к станкам.

Многие по росту до станка не доставали, поэтому нам подставляли трапы. Это такие сооружения из досок, положенных на высокие поперечные баклажки. Мне подставляли сразу два трапа. В группе было 15 человек, а станков у нас было только пять. Мы ведь не на заводе работали, а в учебном цехе ФЗУ, он и находился на территории ФЗУ. То есть станков на всех не хватало. Поэтому мы работали по два человека на станке. Это было правильно, потому что детали часто были такие тяжёлые, что одному и поднять было их трудно. А если деталь полегче, то один работал с деталью, а другой поливал её, чтобы она не разогревалась. Но и всё равно на всех 15 человек работы не хватало. Поэтому мастер несколько человек отправляла домой – сегодня одних, завтра других. А иногда говорила, если была ночная смена: «Возьми пальтушку, да и поспи в сторонке возле батареи». Так мы и делали. Она нас очень жалела.

Какие детали мы делали, я не помню. Помню только, что после того, как мы деталь сделаем, её проверяли в ОТК *(отделе технического контроля – Прим. авт.)*. А потом ещё её проверял и принимал военспец. И только после этого наши детали отправляли на завод. У каждого из нас отдельного плана не было. План давался на группу.

Смена длилась шесть часов. Работали в четыре смены: с 8:00 утра до 14:00 часов, с 14:00 часов до 20:00 часов, с 20:00 часов до двух часов ночи, с двух часов ночи до 8:00 утра. Самая тяжёлая смена была с восьми вечера до двух ночи. Очень спать хотелось. Если бы не Елена Николаевна, совсем бы было тяжело. Но она тем, кто уж очень уставал, давала поспать у батареи. Поэтому всё-таки было сносно. В смену с двух ночи до восьми утра тоже ведь кто-то работал. Тогда, наверно, было ещё труднее. Но мне в эту смену, видимо, не пришлось работать – во всяком случае, я этого не помню. А потом, в два часа ночи, мы шли домой. И ведь не боялись! Ходили

спокойно, как днём. И ни разу никаких случаев по дороге не произошло. На улицах тогда было, видимо, спокойно…

Каждому, кто поступал в ФЗУ, выдавали шинель и стежёное полупальто на вате – бушлат. Ещё выдавали ботинки, юбку, шапку, бельё. Ходили всегда строем. Кормили нас три раза в день. На завтрак давали 200 граммов хлеба, кашу, чаще всего, калежную, и чай. На обед – 300 граммов хлеба, суп, кашу и чай. На ужин – 200 граммов хлеба, кашу или тушёную капусту и чай. Конечно, это было хорошее подспорье. Но мы не наедались. Я ещё и дома прихватывала. Хотя и там было небогато. Помню, мы картошку почистим, а очистки не выбрасываем. Их ели как отдельное блюдо. Очень тщательно мыли, а потом жарили на рыбьем жире. Тогда казалось – вкусно. А после войны и до сих пор я запаха рыбьего жира не могу выносить…

Семья наша жила в бараке. Отец работал на заводе. А мама не работала – болела. Она считалась иждивенцем, и на неё паёк давали меньший, чем отцу. И ещё была младшая сестрёнка, она родилась в 1938 году.

Помню, очень тяжело было с дровами. Топить было нечем. Ходили в лес, ломали там сучья. Приносили их домой и ими топили. Чтобы экономить дрова, под чугунок, который ставили в печку, подкладывали таганку. С помощью таганки можно было подкладывать сучья только под чугунок.

А бабушка, ей было 80 лет, жила в войну в деревне, в Уинском районе. У неё был огород и ещё была коза. Мама часто к ней ездила, помогала по хозяйству. И привозила из деревни картошку, овощи, даже немного масла и сметаны – из козьего молока. Ещё мама ходила по деревням в окрестностях Перми, меняла вещи на муку и другие продукты. Так и жили. Однажды я привезла домой огромное богатство – сразу несколько килограммов муки. Но об этом чуть позже. А пока ещё расскажу про учёбу в ФЗУ.

В группе у нас большинство ребят было из Мотовилихи. Двое ребят, помню, были из деревни. Но как они оказались в Мотовилихе, я не помню. А может, и не знала – не спрашивала у них.

Что касается дисциплины, то у нас с этим было строго. Вообще на заводе с этим было строго. Мне муж рассказывал, как один рабочий из их цеха не успел на электричку – он жил в Лядах – и ему пришлось идти пешком. Пришёл на работу только к концу смены. Его задержали, а потом, кажется, посадили.

Каждый день по вечерам нам или кино показывали, или устраивали танцы. Кто был свободен, мог пойти в кино или потанцевать. Это нас так подбадривали. А иногда, когда кончалась смена в два часа ночи, мы поднимались на второй этаж – там был зал – и сами танцевали в пустом зале. Без музыки. Сами себе пели и танцевали.

Я, наверное, работала хорошо. Потому что меня через некоторое время перевели в ОТК. Там я, как взрослая, проверяла работу ребят из нашей группы. Из ОТК меня, Руфу Субботину, Лиду Глумову и Люсю Кашкину отправили в колхоз. Там мы пробыли два месяца. И это время показалось мне за всю войну самым тяжёлым.

Нас поселили в пустой избе. Дров не дали. Вообще ничего не дали. Мы должны были расстилать лён. Это мы делали в любую погоду, даже в дождь. Как дождь начнётся, колхозники идут по домам, а мы остаёмся работать. Приходили домой мокрые до нитки. А обсушиться-то нечем – дров нет. Мы уж топили, чем могли, даже перила на крыльце испилили на дрова. Жерди выдергивали из изгороди, сучья из леса, конечно, тоже носили. А давали нам каждой по одному килограмму муки в день. Но больше не давали ничего.

Только ещё мы могли носить с поля картошку, сколько хотели. Мы пекли из этой муки лепёшки, клали в них много картошки, чтобы наесться. И этим только питались. Никто нам даже стакана молока за всё время не дал. Мы выменяли на молоко всё, что у нас с собой было. В том числе и мыло, которое с собой из дома взяли. Потом мылись и стирали без мыла. Два месяца в бане не были – да бани у нас и не было. Конечно, завшивели. Но муку мы расходовали экономно, и сэкономили все вместе больше десяти килограммов. Потом разделили, и каждая привезла домой по нескольку килограммов муки – по тем временам целое богатство.

Александр Иванович Черкасов,

рабочий, наводчик в орудийном расчете

По документам архива Музея пермской артиллерии (музей истории «Мотовилихинских заводов»)

Вся наша артиллерия прошла перед моими глазами. Всё лучше и мощнее становились пушки. А когда в 1944 году на испытании новой 100-мм пушки снаряд из неё насквозь прошил корпус танка, полковник, военный представитель сказал: «Всё, не ползать больше “Тиграм” и “Пантерам” по нашим окопам!»

Сразу после финской войны создали второй проезд (бронетир). Так стали испытывать броню и противотанковые снаряды. Шпангоуты для установки бронеплит вначале деревянные были, после каждого выстрела ремонтировать их приходилось. Бронелисты ручными талями поднимали. На весь цех был один тракторишка гусеничный без кабины – ЧТЗ. Перед войной у всех рабочих были вклеены в военные билеты предписания: в случае войны прибыть в военкомат без повестки. Но как война началась, нас на фронт не послали. Вызвали в отдел кадров, забрали военные билеты и паспорта. Так мы их до конца войны и не видели: бронь нам дали.

В войну стали испытывать бетонобойные снаряды. Строили для этих испытаний железобетонные стенки больше двух метров толщиной. На строительство этих стен все предприятие вы-

ходило. Строили сутками, пока не закончат. Готовую стенку снарядами малых калибров проверяли, а потом тяжелые бетонобойные снаряды испытывали. Как одну стену расстреляют, другую строить начинают. И так всю войну. Мы понимали, что пока партию не испытаем, ни один снаряд на фронт не попадёт.

Испытание на кучность боя из 122-мм гаубицы М-30

Николай Иванович Цветков,

мастер орудийного расчёта

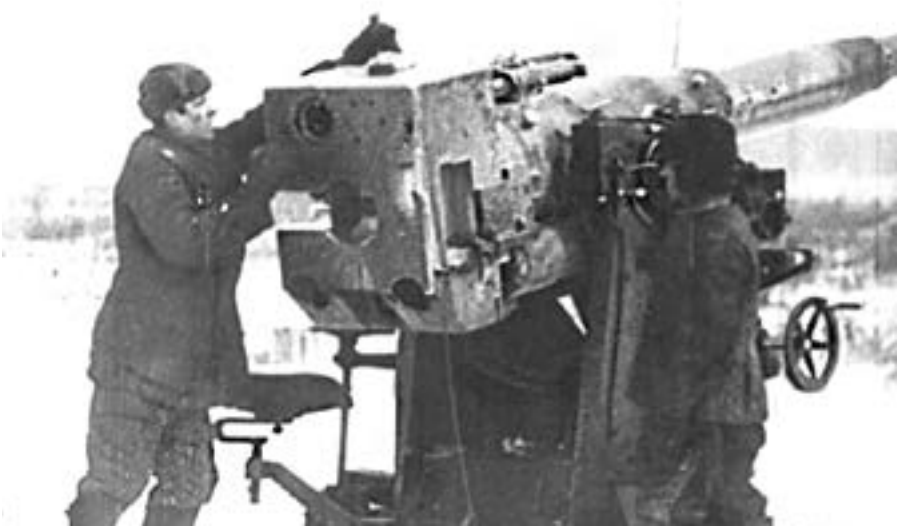
По документам архива Музея пермской артиллерии музей истории «Мотовилихинских заводов»)

На Урал я приехал в марте из Павлограда. Работал наводчиком, командиром орудия. Пушки тогда ставили прямо на грунт. Укрытий не было никаких. Выкопаешь сам себе ровик, залезешь в него и дёргаешь спусковой шнур. Пушки разрывало часто. Были случаи, когда расчёт ранило и убивало осколками. Только в войну девять 150-мм пушек разнесло.

Долго мы маялись с испытаниями 100-мм бронебойных снарядов. Пробьёт такой снаряд броневой лист и улетит неизвестно куда, а его найти и обмерить нужно. Пока не найдут все снаряды, партия неиспытанной считается. Предложил я за броневым листом уловитель из бревен ставить, чтоб снаряд в нём застревал. Сделали, сразу дело на лад пошло.

Помню в войну испытывали мы 122-мм самоходную гаубицу. Генерал Огурцов испытания принимал. Большой специалист в артиллерии был. Сталин его с фронта снял, чтобы приёмку новых самоходок наладить. Я на испытаниях наводчиком был. И при стрельбе выяснилось, что спусковой рычаг расположен далеко, и при стрельбе с хода получается задержка, и снаряды в цель не попадают. Выхожу из танка, а генерал говорит: «Плохо стреляешь!» «Да как же, – говорю, – попасть, когда спусковой рычаг далеко! Надо кнопку на рукоятке подъёмного механизма сделать, чтоб не отпускаться». Генерал на конструкторов посмотрел и говорит: «Что вы за специалисты, если простой рабочий лучше вас дело знает!»

Много мы в войну разных испытаний проводили. И по смотровым щелям танков стреляли. А когда 100-мм пушки появились, под погон башни били так, что башню с танка сбрасывало. Уязвимые места искали. Потом по нашим рекомендациям на заводах усилили крепление башни, и сбрасывать её перестало. Много через мои руки прошло разных снарядов и пушек...



Испытание 100-мм бронебойных снарядов

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 3

Ида Владимировна Бойкова 8
Валентина Николаевна Силуянова 10
Николай Петрович Быков 12
Мария Яковлевна Горячёва 16
Рюрик Михайлович Дерябин 19
Муза Семёновна Дмитриева 25
Галина Иосифовна Елькина 31
Ефимова Т.В. 33
Виктор Акимович Ильин 35
Зоя Поликарповна Ильиных 38
Албирт Хасанович Калимулин 40
Анастасия Михайловна Мокрушева 42
Вера Сергеевна Паутова 47
Александр Иванович Полушкин 50
Соломон Владимирович Санкин 52
Геннадий Павлович Северов 53
Александр Михайлович Середкин 57
Самуил Маркович Соколовский 59
Агриппина Турбина 64
Николай Павлинович Тюрин 66
Сергей Николаевич Фирулёв 69
Татьяна Фёдоровна Чудинова 71
Александр Иванович Черкасов 75
Николай Иванович Цветков 77

Директор издательства Н.А. Зенкова
Дизайн, оформление, верстка – С.А. Лишанская

Книжное издательство «Пушка».
614990, г. Пермь, ул. Дружбы, 34, офис 207.

Подписано в печать 27.04.2017.
Гарнитура OfficinaSansWinCTT. Тираж 100 экз.

Заказ №
Отпечатано в соответствии с предоставленными файлами
в полиграфическом салоне «Форвард С»
614990, г. Пермь, ул. Героев Хасана, 55а
forward-s2011@yandex.ru

Беседа с ремесленниками перед переходом на самостоятельную работу

Братья Еловиковы – первые добровольцы Мотовилихи, 1941 г.

45-мм противотанковая пушка обр. 1937–1941 гг. «Аннушка», 1-й выпуск

Инженерно-технические работники цеха № 49, 1943 г.

Герой Советского Союза Л.В. Рассохин выступает по заводскому радио

Комсомольский актив завода в годы Великой Отечественной войны

Бригада по экономии электроэнергии, цех № 3

Книжка Почетного мастера-гвардейца трудового фронта

Комсомольская фронтовая бригада Бронниковой

А.И. Быховский среди военнослужащих, 1944 г.

Мастер Чудинов

Коллектив работников отдела техники безопасности, 1945 г.

Стахановцы-ремесленники Ежов и Шуткин

Секретарь цехового бюро ВЛКСМ проводит беседу с комсомольцами

Лучший мастер Печищев обсуждает фронтовое задание со стахановцами

Работница завода им. Молотова у токарного станка во время изготовления военной продукции

Подготовка молодых кадров

Начальники цехов механического узла в День артиллерии, 19 ноября 1944 г.

Общезаводской митинг 10 мая 1945 г.

Общезаводской митинг, посвященный вручению коллективу завода ордена Трудового Красного Знамени, 1942 г.

Организация труда и производства, 1941–1945 гг.

Ремесленник-стахановец Плотников в годы Великой Отечественной войны

Почетная книжка мастера-стахановца, 1942 г.

Руководители штаба по выпуску сверхплановых батарей

Фронтовой молодежной бригаде Петра Винокурова вручается переходящее Красное Знамя ЦК ВЛКСМ (делегация Северо-Западного фронта, слесари-сборщики цеха № 89)

Работники отдела Главного металлурга завода № 172 им. Молотова и военпреды

Слесарь Целищев и мастер Спасский

А.А. Сыропятов в соревновании мастеров первым получил звание «Лучший мастер завода», 1943 г.

Стахановец за станком

Сандружинницы перед отправкой на фронт

Упаковка посылок на фронт

Фронтовая бригада девушек на субботнике по погрузке сверхплановой продукции завода для фронта

Штаб по выпуску сверхплановой продукции

Фронтовая бригада С. Монахова, 1942 г.

Руководство завода им. Молотова, 16 декабря 1944 г.